

Татьяна
Краснова
ЛЕСНАЯ
СКАЗКА

Менские истории

Женские истории

Татьяна Краснова

Лесная сказка

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Краснова Т. А.

Лесная сказка / Т. А. Краснова — «Центрполиграф»,
2019 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-08687-7

Разношерстное общество, собравшееся под Новый год в доме отдыха «Лесная сказка», в недоумении — кто эта одинокая девица с внешностью модели и почему уклоняется от общения? Родные тоже пытаются понять, что происходит с их Лизой. Почему то молчит, то раздражается без повода? Переживает разрыв со своим молодым человеком? Несправедливое увольнение со службы? Лиза действительно сосредоточена на своих невзгодах, и ей мало дела до окружающих. Пока не появляется Дмитрий Сергеевич — человек непростой судьбы, глубокий и честный, — а с ним и надежда на обновление жизни...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08687-7

© Краснова Т. А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	5
Дневник Тани Майской	5
Человечий дух	6
Запретная комната	8
Дневник Тани Майской	10
Скатерть-самобранка	12
Мышка-норушка	15
Мальчик-с-пальчик	17
Принцесса на горошине	19
В некотором царстве, в некотором государстве	22
Волшебный клубок	26
Дневник Тани Майской	30
Пациент скорее мертв, чем жив	33
Избушка на курьих ножках	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Краснова

Лесная сказка

Часть первая

Дневник Тани Майской

– Так вы думаете, что в самом деле можно умереть от любви?

Это спрашивала растрепанная рыжая тетка. Но тут они заметили, что мы вошли, и повернулись: девушка с длинными волосами, человек с газетой, парень в рваных джинсах – таких, специально рваных, терпеть не могу. Толстяк услышал, что меня зовут Татьяна, и заявил: значит, вторую сестру должны звать Ольга, и был счастлив, узнав, что это действительно так.

А Ольга корчила из себя старшую и взрослым голосом объясняла, что мы сюда на зимние каникулы, что у нее сессия, а придется за мной присматривать, пока моя мать в Испании, – хотя ее никто не спрашивал! И что наш отец, возможно, придет на Новый год. Хотя и об этом никто не спрашивал! А рыжей было все про всех интересно.

В общем, Ольга невозможный человек, и я начала разглядывать стены. Ничего себе «Лесная сказка» – штучки из шишек и веток, всякие рога. В углу – новогодняя елка. Кругом одни взрослые. Но жить можно, если бы не Ольга. Неужели придется здесь – с ней! – две недели!!! Кошмар.

Человечий дух

Лиза обвела взглядом комнату, где предстояло проводить тяжелый этот год и встретить неизвестно какой следующий. Номер после ремонта. Такой нейтральный воздух бывает только в помещениях, где его не тревожат – не дышат, не курят, не говорят. Человечьим духом не пахнет. Когда она поднималась на второй этаж деревянного коттеджа, слышался только шорох ее движения, и теперь за стенами – ни звука.

Она еще раз недоверчиво огляделась – но обстановка тоже была нейтральной. Здесь нimalo не хотелось привыкнуть, обжиться, хотя бы на недолгий оплаченный срок. И безмолвный лес за окном нейтральный – черно-белый, как на гравюре, ровные монотонные стволы. И Лиза еще раз свободно вздохнула.

Но, спускаясь в холл, замерла на нижней ступеньке. В кресле кто-то сидит, лицо скрыто за развернутой газетой. Рано обрадовалась. С какой стати дому отдыха пустовать под Новый год? Неужели придется знакомиться с соседями, пусть даже в рамках отстраненной вежливости?! Раскланиваться, говорить дежурные фразы?!

Вдруг сверху что-то обрушилось – Лиза инстинктивно вжалась в перила.

– Ой, извините! Вы только приехали, да? Как хорошо, а то так тихо было! Совсем никого! Зимы все, что ли, бояться? Морозец-то, а? Еще бы снежку!

Разбитной парень с красивыми волнистыми волосами, собранными в хвост, радостно выпалил все это, воткнул в пепельницу окурочку и набрал побольше воздуха, чтобы продолжить, но, воззрившись на Лизу, воздух медленно выпустил.

Джинсы на коленках рваные. И как в них по морозцу? А если еще и снежку?

Несколько дверей в другие номера и на кухню, где при желании можно что-нибудь приготовить. Еще одна дверь с рифленным стеклом, ведущая непонятно куда. Лиза устроилась посередине длинного пустого дивана. Оборванец с хвостом последовал за ней, все еще надеясь на приятное знакомство. Но Лиза вытащила из стопки первый попавшийся журнал, и молодой человек печально присел на корточки рядом с пепельницей, повиснув на столике и распластав по нему пышный хвост.

– Сюда, сюда! Ну вот, здесь же гораздо теплее! Вот здесь мы и устроимся! Здравствуйте! С наступающим!

Вслед за оглушительным голосом появилась и его обладательница – миниатюрная женщина лет тридцати, с веселой молодежной прической и пухлым капризным ротиком. Который никогда не закрывается, поняла помертвевшая Лиза.

– Меня зовут Алла! Какие у вас чудесные волосы! Мне нравятся длинные волосы у мужчин... А вы что читаете? О, мой муж тоже дня не может прожить без «Коммерсанта»! Знакомьтесь, мой муж – Василий Кочубей. Помните, у Пушкина: богат и славен Кочубей. А нас, представляете, пытались засунуть в настоящий холодильник! С детьми! – И перечислила детей, которых ее муж заводил и заносил в комнату вместе с вещами: – Старший Вася, ему уже шесть, и младший Мишенька – уй, моя лапочка! – а нам скоро годик!

Лиза перехватила насмешливый взгляд из-за газеты – не на кого-нибудь, а на себя. Наверное, она плохо контролирует выражение лица. На нем, должно быть, написан ужас: предстоят шум, визг, рев, хохот, беготня. Но это действительно ужас. И деваться уже некуда. А менеджер уверяла, что в «Лесной сказке» идеальная тишина, семьи с детьми селятся отдельно...

– Надеюсь, дети у вас спокойные? – раздался голос читателя газет.

Аллочка, прижав руки к груди, поклялась:

– Ужасно! Ужасно спокойные! Гарантирую, что вы сможете нормально отдыхать! Их будет не видно и не слышно.

Врет, подумала Лиза. Так не бывает.

– А я не отдыхаю, я работаю, – подал реплику читатель.

И вдруг входная дверь опять отворилась. На пороге показались две девочки: одна – лет двенадцати, другая – старшеклассница или студентка. Музыка, подружки, хи-хи, ха-ха, болтовня, беготня, телевизор не выключается, мобильники не умолкают... Проницательный читатель газет смотрел на Лизу с нескрываемой насмешкой: на тишину надеялась? А кошмарных детишек все больше!

Запретная комната

Пылинки в потоках света и солнечные зайцы на полу скакали совсем по-летнему. Брюловская картина «Итальянский полдень» с пышной красавицей и виноградной гроздью подерживала иллюзию зноя. А Лиза стояла среди шезлонгов и пляжных зонтов, сваленных грудами, в белой меховой куртке и ёжилась. В большой застекленной веранде казалось холоднее, чем на улице. Наконец отыскались книжки – несколько стопок на шахматном столике. И еще несколько – под столиком.

В первой половине дня время уходило на обязательные десять тысяч шагов и бассейн. Музыка не воспринималась, как и любые звуки. А черные строки по белому полю – уже да. Когда Лиза спросила о библиотеке, девушка-менеджер подняла удивленные глаза, словно само слово слышала впервые.

– Да какая там библиотека? Просто книжки. От старого санатория остались. Берите что хотите.

И дала ключ от веранды.

Это были восхитительные растрепанные томики с ветхими обложками и совсем без обложек, с пушистыми уголками страниц. Лиза проводила пальцами по подклеенным матерчатым корешкам, переворачивала странички с чернильными пятнами и следами от кофе. Заметки карандашом на полях! Вложенная бумажка с телефонным номером и чьим-то именем! Где ты сейчас, Сергей Васильевич? Ау, жив ли? Автобусный билетик, пожелтевший газетный клочок. На крылышках со сроками возврата – столбиками дат – чьи-то отпуска в старом санатории, беззаботные советские отпуска с выплаченными отпускными и непременно возвращением на работу – в точный срок, с поправленным здоровьем...

Хлопнула входная дверь, дохнуло холодом. Лиза оглянулась – это не ветер, а девочка Таня. Посмотрела вопросительно, бочком протиснулась сквозь лабиринты шезлонгов и пристроилась под столом, возле книжек, стараясь быть как можно незаметнее. Это старание и, главное, молчание успокоили напрягшуюся Лизу.

Рядом была дверь с мутным рифленным стеклом. Вдруг из-за нее раздался звонкий, уже знакомый голос:

– Как вы считаете, кто эта таинственная дева? Ну, русалка с волосами ниже попы? Которая все молчит, грустит, куда-то исчезает по утрам? Модель? Телеведущая? Любовница какого-нибудь денежного мешка?

Ответа не прозвучало, хотя Лиза прислушалась. Только показалось, что-то шелестит вроде газеты. Конечно, за стеклянной дверью – холл с говорливой Аллой! А по эту сторону – веранда, склад летнего скарба, советских книжек-инвалидов и замороженного «Итальянского полдня». Запертая запретная комната – только Лиза вошла в нее с другого крыльца.

– А мне кажется, она – невеста олигарха, – не унималась невидимая Алла. Силуэт ее показался на фоне двери, и голос приблизился: – Ему некогда ее развлекать на праздниках, и он засунул ее в глушь! Чтобы никто до нее не добрался! Спрятал здесь под елками, понимаете? Конечно, будешь тут грустить!

Лиза подождала ответа, не дождалась – и ощутила свои замерзшие пальцы. Пусть будет вот этот пухлый том без обложки. Томас Манн, «Волшебная гора». Пятьсот страниц, должно хватить до самого конца.

Таня вылезла из-под стола. Тоже выбрала растрепку – «Грозовой перевал» Эмилиии Бронте. Мрачноватая английская романтика. Какой старомодный вариант для поколения «спрайта» или «швепса».

Они двинулись к выходу, не глядя друг на друга, вместе обогнули коттедж, столкнулись на крыльце с читателем газет.

– Лиза, как вы думаете, а он кто? – громко зашептала Аллочка, выразительно выпучив глаза на окно, за которым их сосед в длинном пальто удалялся к воротам. – Говорит, работаю. В Новый-то год! – И уже громко высказала соображение: – Наверное, из силовых структур. Жутко похож на шпиона. – Но тут же со смехом себя опровергла: – За кем тут шпионить, боже ты мой! А вообще – нам не хватает только трупа.

– Кого? – Лиза приостановилась на лестнице.

– Ну, мы сидим тут, в лесу, отрезанные от мира. Прямо как у Агаты Кристи. И если бы вдруг обнаружился труп, виноват был бы кто-то из нас!

Дневник Тани Майской

Третий день в лесу. Три дня до Нового года.

«Грозовой перевал», который я столько времени переводила, уже перевели. Давным-давно. Эта истрепанная книжка с веранды. А я-то первый раз в жизни была счастлива! Занималась ерундой, как выражается Олька. Просто кошмар! Никаких больше переводов.

Олька меня сразу после еды выгоняет в лес, будто бы мне надо воздухом дышать. На самом деле это ей надо болтать по телефону, чтобы я не слышала. А в лесу, да еще без снега, невозможная тоска. Гуляет только Лиза с длинными волосами. Ходит по аллеям, как робот. Хорошо хоть, с разговорами не пристает, как рыжая Алла. Главное в этих разговорах – то, что они идиотские. О родителях, об учебе, о здоровье. Какое кому дело до этого, если мне самой до этого нет никакого дела?

А сегодня я вдруг увидела бабочку! Самую настоящую, желтую. Живую!!! Она сидела прямо на земле и шевелила крыльями! Л. тоже над ней наклонилась, и мы боялись дышать, как будто могли ее сдуть. Но тут появился этот Волчок с хвостиком:

– Ой, бабочка! Ой, живая!

Когда А. со всеми знакомилась и спросила, как его зовут, он почему-то покраснел, покосился на Л. – у него голова все время поворачивается в ее сторону – и заявил: «Просто Волчок, это мое школьное прозвище». Ну и дурацкое прозвище! Разве что имя еще хуже, бывает – родители такое выдумают. Пафнутий какой-нибудь, как в моей прежней школе. Его родители стариной увлекались. И вот этот «Пафнутий», в смысле Волчок, суетится вокруг нашей бабочки, и мешает, и шумит:

– Давайте ее куда-нибудь унесем, а то затопчет кто-нибудь!

– Лимонницы так зимуют, прямо на земле. Оставьте ее в покое. Не топчитесь здесь – и не затопчете.

Л. так строго говорила, как будто ее саму просила оставить в покое. И Волчок заткнулся. А второй наш сосед, который узкий, длинный и с газетой, чему-то обрадовался и даже ухмыльнулся. Он незаметно подошел и молча слушал. Скорей бы уходил. У него глаза холодные и неприятные, и он почти всегда молчит – и неприятно молчит. Как будто думает о тебе какую-нибудь гадость. Даже общительная А. называет его господин Логинов, а не по имени.

Мы с Л. пошли дальше. С ней лес не такой унылый. Она показала, где весной будут голубые подснежники, а где – нарциссы. И еще всякие интересные вещи. Голые красные прутья оказались шиповником, а черная аллея с корявыми сучьями – липовой.

Волчок с поджатым хвостом отстал, а г-н Логинов шагал параллельно – ему надо к воротам, он всегда после еды куда-то уезжает на своей машине. Было неприятно, что он как будто подслушивает, хотя что же ему – уши заткнуть или пойти другой дорогой? Так это надо сделать большой крюк. Мы уже свернули в ельник, как он вдруг раскрыл рот:

– Так вам несколько не жаль бабочку?

Ежу понятно, что «вам» – это не мне и Л., а только Л. Кому я нужна с моим мнением? А Л. ответила, только не про жалость:

– Всем нужна своя порция холода.

Мы с ней как раз говорили о том, что в нашем климате и растениям, и животным холод нужен, они так привыкли. А жалеть их глупо, они начали жить на Земле задолго до нас и получить нас это умеют. Я бы на месте этой бабочки концы отдала...

Л. с Логиновым разговаривала так же строго, как с Волчком. Только Длинный не отстал:

– А туда вы зачем? Эти ели тоску нагоняют, а вы и так грустная.

Олька сто пудов начала бы отшучиваться, а Л. не стала:

– Грусть – это самое умное чувство. Зачем себя от него оберегать?

И он не нашел, что ответить, она все-таки и его спровадила. А может, она и правда невеста олигарха?

И какой странный это был разговор. Никогда не слышала, чтобы взрослые так серьезно говорили о елках и бабочках.

Мы забрели в бурелом с корягами и вывороченными корнями и повернули обратно. И вдруг одновременно, как бабочку, увидели кошку! Она пробиралась между деревьев, по присыпанной снегом поляне, и ее было отчетливо видно. Это я к тому, что она не померещилась. Такая крупная серая кошка с темными полосками. Она на мгновение скрылась за стволом – и тут же из-за этого ствола появился старик! Как будто кошка превратилась в старика, потому что она исчезла! Мы ее больше не видели. Только следы, кошачьи и человеческие. И старик сразу затерялся среди деревьев, хотя лес прозрачный и видно далеко во все стороны. И странный такой старик, с бородой, одет как будто во что-то старинное. Мы с Л. переглянулись, и я убедилась, что были и кошка, и старик, потому что Л. предположила:

– Оборотень? Леший?

А здесь становится интересно!

Скатерть-самобранка

Лиза вошла в ресторан, оформленный под бревенчатую избушку, и уже привычно двинулась к столику в углу... Но столика не было.

– К нам, к нам! – Алла в ярко-розовой облегающей кофточке жизнерадостно махала, привстав из-за длинного стола, за которым разместились все обитатели их коттеджа. – А мы тут решили сдвинуться, чтоб повеселее, вы ведь не против?

Весело было только ей, ее мужу – впрочем, тот скорее радовался рыбной закуске с салатами – и еще молодому человеку с хвостиком. Сестры Майские не веселились: старшая вполголоса выговаривала младшей, та с непроницаемым лицом ковыряла вилкой в тарелке. Господин Логинов – узкий, как шпага, в костюме стального цвета и без «Коммерсанта» – занимался своим бифштексом, как если бы обедал в полном одиночестве.

Лизе ничего не оставалось, как сесть на свободное место. Она заметила новое лицо – старушку, похожую на учительницу. Алла пулеметной очередью выдала сообщение, что Антонина Ивановна поправляется здесь после инсульта. Интеллигентная старушка кивнула – речь у нее еще не совсем восстановилась, – и Алла вернула застольную беседу в прежнее русло, обратившись к мужу:

– Ты, Кочубей, так и не ответил. Все подумают, что ты и есть даун.

– И ничего подобного, – задорно возразил толстяк, не переставая орудовать ножом и вилкой. Короткие брови, круглые щеки – все подпрыгивало, помогая ему пережевывать и говорить. – Дауншифтинг – это когда устали от жизни и работу полегче ищут или способ обойтись без нее. А у меня – просто более прагматичный подход к организации бизнеса и своей судьбы. И на кризис нечего кивать, все было решено, когда им и не пахло! Просыпаешься утром – и понимаешь, что если выбросить из жизни девяносто процентов вещей и событий, то в ней ничего не изменится. И на фига такая жизнь? Кто кого имеет – я бизнес или бизнес меня? Ощущение, будто я опять пашу на чужого дядю! – Он повернулся к юноше с хвостиком: – Ну, ты же понимаешь?

– Да, – встрепнулся тот, – бывает. То, что делаешь, больше не прикалывает. Исчез драйв, утрачен вызов и все такое.

– Вот видишь, Кочубей, – поучительно вставила Алла, – у всех бывает, и в леса никто не бежит, как-то иначе справляются.

– Так я задавал вопрос специалистам – типа, а это лечится? Ответ был – нет, поскольку это не болезнь.

– А вы что скажете, господин Логинов? – Алла рискнула подключить тяжелую артиллерию.

Тот отложил вилку и отодвинул тарелку. Кочубей беспокойно поглядывал на эти приготовления. А Лизе показалось, что большие глаза на узком лице способны смотреть одновременно в разные стороны, как у рыбы. И что говорит поэтому господин Логинов не Кочубеям, а всему лесному сообществу, налево и направо.

– Все эти наблюдения могут поразить неокрепшие умы своей новизной, – начал он как будто без иронии. – Про кризисы, и среднего возраста, и экономические, вслух не будем – просто неприлично. В любые времена есть люди, похожие на трубу – много всасывают и много выбрасывают, а по истечении лет проясняется, что в сухом остатке ничего нет. Это в самом деле не болезнь, а диагноз, и лекарства известны. Разменять старую жену под сорок на две по двадцать. Наклеить новые обои. Экстремальные виды спорта. Фитнес. Поход за молодостью и красотой. Хобби – обычные и необычные. Мистика и эзотерика. А также – алкоголь и кокаин. Что касается бегства из матрицы в провинцию или под пальмы, так у многих эта мечта – одна

из базовых. Должно быть, из глубокого детства – Чунга-Чанга, синий небосвод. И избавиться от идеи с таким уровнем обаяния не получится, она всегда есть где-то фоном у большинства.

Лиза с удивлением начинала понимать, что речь идет о смысле жизни. Надо же. А казалось, собрались те, кто уже должен был справиться с поиском. А тут по старинке решают вечные русские вопросы, сосредоточившись на «Что делать?».

Все молча ждали, как будет обижаться Кочубей, особенно на трубу, но тот благодушно отмахнулся:

– Да это вы опять про дауншифтинг, когда смываются от ответственности. Говорю же – не мой случай. Там люди сознательно идут на понижение уровня жизни и все такое, а я, наоборот, ищу лучший вариант.

– Так это одно и то же, – вмешалась Аллочка. – Завез нас черт-те куда. Бросить квартиру в Москве, бросить бизнес, который еще не развалился! У других вон разваливается, а они не бросают. А вы, господин Логинов, что могли бы предложить, когда все так запущено? Кроме кокаина и двух новых жен? – кокетливо добавила она, поглядывая на Ольгу и Лизу.

Кочубей перехватил ее взгляд и довольно засмеялся. А господин Логинов снова вынужден был отвлечься от обеда:

– Бессмысленно уезжать в Дахаб или в захолустный Белогорск. Там смысла не больше, чем в Москве. Более того, там его нет. Смысл только внутри вас, вне зависимости от того, где вы находитесь. Хотя от перемещений не стоит удерживаться, – обратился он наконец к самому Кочубею. – Более чем вероятно, что по дороге вы найдете массу других смыслов, и жизненная задача перестанет пониматься как бегство от реальности и подпальмойлежание.

– Да дались вам эти пальмы! – Кочубей взмахнул руками, как крыльями.

«А мне-то зачем эта пародия на общение?» – очнулась Лиза. Более разношерстное и неподходящее общество трудно было представить, хотя, собираясь сюда, она не представляла никакого.

– Вы – Филипп Шницер? – наклонилась к молодому человеку девушка-менеджер с удивленными глазами. – Подойдите к городскому телефону. Наверное, на мобильник сигнал не идет – у нас это часто бывает, деревья высокие.

Лиза проводила взглядом оборванца. Какое совпадение – и фамилия совсем редкая, и имя не такое уж распространенное...

Тем временем интеллигентная старушка хвалила Мишутку, который прекрасно умеет вести себя за столом, – Аллочка расцвела, – и поинтересовалась, всегда ли Васенька такой молчаливый. И правда, старший мальчик Кочубеев не проронил ни слова. И в коттедже его не было слышно – Алла не обманула.

– Ах, Антонина Ивановна, – с нервным смешком ответила Алла, – да он же вообще не говорит! Ну, то есть он у нас не разговаривает. Я не думаю, что это аутизм или какая-то отсталость, – на телевизор же он реагирует и взрослые разговоры слушает. Ни фиги эти врачи не понимают! Я ничего вразумительного еще от них не услышала! И потом, он же начинал говорить, в годик, как все. А потом замолчал. Мы уже все перепробовали: гипноз, купание с дельфинами...

– Может, его что-нибудь напугало? – со знанием дела предположила Ольга. – Вот Тата у нас тоже девочка со странностями. – Лиза заметила, как младшая сестра метнула на старшую яростный взгляд. А та заливалась: – Я думаю, на нее наша семейная неразбериха плохо влияет. Хотя это я бы должна пострадать – это же я пережила развод отца с моей мамой, и его женитьбу на ее матери, и то, что он много лет жил на две семьи. Тем не менее со мной все нормально, – гордо завершила она.

– Конечно, он мог напугаться, – вздохнула Алла, – когда Кочубей был на подъеме, на него столько раз наезжали. Мы столько пережили! Один раз на пикник выехали, а тут подваливают настоящие бандюки, вы не представляете! Ничего они нам не сделали, так, пригрозили-попу-

гали, но много ли ребенку надо? Возможно, отложилось где-то в подсознании, блокировались какие-нибудь нервные центры, я не знаю. Никто не знает... А может, он тогда ничего и не заметил, совсем еще маленький был, а я только накручиваю. Может, другое что-нибудь. А ему ведь скоро семь! Вот вы, Антонина Ивановна, учительница, вы меня поймете – он с детьми не играет, на вопросы не реагирует. И куда его такого, не в школу же для дураков!

Антонина Ивановна грустно смотрела на мальчика – она знала, каково быть бессловесным.

Ольга и Таня перебрасывались ненавидящими взглядами.

Господин Логинов с отсутствующим видом допивал чай.

Лиза машинально сворачивала фигурку кошки из фантика от конфеты. И вдруг заметила, что Вася наблюдает: вот под ее пальцами появляются уши, вот мордочка, потом небольшой плоский фантик превращается в объемное гибкое кошачье туловище, потом его хватает еще на лапки и длинный хвост... Лиза поставила фигурку перед мальчиком на край стола.

Алла всплеснула руками:

– Ах, Лиза, какая прелесть! Смотри, Мишенька, смотри, маленький. Киса, мяу! Держи, только осторожненько. Ну вот, ну что же ты!

Конечно, фигурка из фантика тут же превратилась в бесформенный комок.

– Я еще сделаю, – заверила Лиза и показала Васе под столом еще один фантик.

Тот поднял на нее глаза, и она остолбенела – такие это были прекрасные задумчивые глаза, полные бесконечно грустного, недетского понимания. Такой нездешний взгляд она видела разве что на портрете молодого поэта Жуковского – кстати, тоже Василия.

В школу для дураков?!

Сдвигать столы и веселиться?!

Смысл жизни разыскивать?!

– Ах, Лиза, я ведь сказала – он совсем ни на что не реагирует! – проговорила Алла, уводя сына одеваться.

Логинов заметил вслед Кочубеям:

– Не стоит им быть такими беспечными и совмещать старшего с младшим. Ущербные люди не безобидны.

– Какие? – переспросила Лиза.

– Ущербные, – спокойно повторил господин Логинов. – Они всегда завидуют нормальным и, независимо от возраста, могут быть опасны. Поэтому я говорю: не стоит подпускать старшего к малышу. Хоть один нормальный, компенсация родителям.

Лиза растерялась. Что же он за чудовище?

Вдруг навстречу ей энергично шагнула маленькая женщина, похожая на серую мышку: короткие пепельные волосы, серый пуховый свитер.

– Лиза! Ты здесь? А когда приехала? Дома уже была?

– Как раз собираюсь, – отвечала еще больше растерявшаяся Лиза.

– Ну так давай я тебя подвезу. Дмитрий Сергеевич, добрый день, не сразу вас заметила. Ну, мы с вами в офисе увидимся, – обернулась серенькая женщина уже с порога.

Мышка-норушка

Лизе был знаком каждый поворот, а потом – каждая улица Белогорска, потому что это были ее родные места. Здесь прошла вся жизнь, кроме студенческих лет в Москве.

Двоюродная сестра Света, сидевшая за рулем, и ее муж, Аркадий Королёв, владели в районе целой империей, или, как ее еще называли, королевством, – сетью продуктовых магазинов, кафе, колбасным заводом. Общение с кухней давно свелось к телефонным поздравлениям с праздниками. Света всегда умела ценить свое и чужое время и изложила, как дела, в трех словах – «годовой отчет» и «проверка», – тем более что Лизе, тоже бухгалтеру, больше и не было нужно.

– Ой, Лиз, совсем зашиваемся. Может, Логинов, аудитор, поможет разрулить. Спасибо, что приехал, Новый год себе согласился испортить. Я его и поселила в «Сказке» – пускай живет с комфортом. А ты-то как там оказалась?

– Нашла в Интернете, – пожала плечами Лиза. – Хотелось что-нибудь в наших местах.

– Могла бы хоть спросить, – смеялась Света. – «Лесная сказка» – наша, не поняла, что ли? Королёв купил – отдавали почти даром. Кто же знал, что грянет этот кризис и людям станет не до отдыха? Главное, купил на меня, и я теперь вынуждена заниматься – ведь приличного управляющего где возьмешь? Там же, где честных бухгалтеров?

– На сайте написано «Аквитэль-клуб» – я и не сообразила, что это старая «Лесная сказка». Ну какой это «клуб»? По-моему, на всякие там «Миллениум», «Труляля-клуб», «Прибамбас-плюс» западали во времена малиновых пиджаков. Оставила бы как было...

– Да это девчонка-менеджер придумала, тоже чудачка...

– И Библии в тумбочках – тоже она? Кажется, они из гуманитарной помощи начала девяностых. А аниматор сегодня снегокаты нахваливала...

Света, не обижаясь, снова смеялась:

– Говорю же, нормального человека найти невозможно. А мне только «Сказки» не хватало для полного счастья. Коттеджи пустуют – убытки одни...

Свете хватило бы и дома хлопот с тремя детьми: сын-первоклассник, младший, родившийся прошлой зимой, да еще приемная девочка – дочь мужа от досемейных походов. Это был целый сентиментальный роман: в один прекрасный день в Белогорске появилась старушка с ребенком, она ходила по улицам и разыскивала Аркадия, который некогда осчастливил ее дочь и исчез. Проблема заключалась в том, что мать девочки умерла, старушка боялась, что с ней в любой момент случится то же самое и внучка останется совсем одна. Ничего удивительного, если бы после подобных открытий вверх тормашками полетели и незваные гости, и грешный муж, – но Лизина кухня оставила всех при себе, взвалив на себя чужого ребенка и чужую больную старушку¹. Лиза их еще не видела, но тут же догадалась:

– Антонина Ивановна? Та самая?

– Та самая, – энергично закивала Света. – Слушай, давай заскочим на рынок – мне надо ей чернослива купить. В наших магазинах есть, но не такой. Да что же я у тебя-то не спрошу, как дела?

Но вопрос повис – Света придирчиво выбирала чернослив, который должен был быть и крупным, и мясистым, и узбекским. Лиза повеселела, узнавая свою двоюродную сестру, убежденную в том, что достойна только самого лучшего. А когда настал момент расплаты, Лиза вообще забыла обо всем – такое это было зрелище.

– Кило двести, – говорил торговец.

– Один килограмм сто пятьдесят два грамма, – поправляла Света.

---

¹ Об этих событиях рассказывается в мини-романе «Белая панамка».

– Сдача – десять рублей, – сообщал торговец.

– Десять рублей пятьдесят восемь копеек, – парировала Света.

Кузина была человек-калькулятор. Она мгновенно делала в уме любые вычисления – казалось, в ее ясных серых глазах мелькают вереницы крошечных циферок.

– Пятьдесят восемь копеек, – требовательно повторяла Света, пока кавказец, не спуская с нее потрясенного взора, на ощупь отсчитывал гроши.

– Ну что тебе толку от этих копеек, – смеялась Лиза, – ты его весы видела? Ведь наверняка обвесил.

– Обвесил, но не обсчитал, – отрезала Света победоносно.

Лиза же придерживалась теории равновесия: обсчитают в магазине – а следом кто-нибудь забытый долг вернет, найдешь на дороге рубль – и сразу тебя в магазине на рубль обсчитают. В природе есть определенный баланс, и она его тут же выравнивает.

– Нет уж, я сама все выровняю, – не соглашалась Света. – Буду я еще дожидаться!

В этом можно было не сомневаться: в ней заложен такой заряд энергии, что хватит с избытком на всех членов семьи и, сколько бы их ни прирастало, у всех будет самый лучший чернослив. И прущая эта почти видимая энергия была не агрессивной, а обаятельной, потому что сама Света была маленькой и пушистой.

– Лиз, так как твои дела, как работа? – спохватилась Света, когда они отъехали от рынка, и Лиза тоже спохватилась:

– Свет, высади меня прямо здесь.

– Тебе же в «зефир», – удивилась та. «Зефиром» в народе назывался дом Лизиных родителей.

– Они еще на работе. Я пока к Ане зайду, – быстро придумала Лиза.

Мальчик-с-пальчик

Лиза подождала, когда Светина машина исчезнет из виду, чтобы сразу вернуться в дом отдыха. Но тут на нее налетел Егор, краснощекий восьмилетний племянник:

– Ли-иза!

Лиза подивилась, как идет по жизни этот маленький мужчина – не скрывая ни мыслей, ни чувств, с открытым забралом. Он так ей радовался, что пришлось отправиться в гости. С Егоркой было легко и весело. Они и еду разогрели, и уроки выучили, когда с работы вернулась Аня, Лизина сестра. Она возникла в прихожей, «дыша духами и туманами» – о ней всегда хотелось так сказать. Такая же тонкая и гибкая, как Лиза, с такими же длинными, свободно сбегаящими русыми волосами, она казалась более хрупкой и почти прозрачной. А серые большие глаза и вправду затуманены – будто бы она все еще в своем музее, бывшей Благовещенской усадьбе, полной старинных картин и неясных теней.

– Лиза! – воскликнула она, заметив белую шубку на вешалке. – Что же ты не позвонила?

И в этом возгласе было едва уловимое недовольство тем, что кто-то – пусть даже сестра – появился без стука в ее пространстве-только-для-троих – сына, мужа и ее самой, – и немедленное раскаяние в этом недовольстве. Которое выразилось в чуть-чуть преувеличенном угощении чаем.

– Попили уже? Ну так я себе налью. Такой ненормальный этот пыльный мороз. А что вы читаете? Ну, Лиза в своем репертуаре.

Им попался английский рассказик, где кондуктор с пассажирами, подсчитывая сдачу, запутались в пенсах и шиллингах. Угораздило же наткнуться на эти шиллинги – на этот «репертуар».

С детства обе сестры читали что-нибудь друг за другом и как-то набрали на «Утраченные иллюзии». Лиза отметила безукоризненность бухгалтерских построений и финансовых операций. «И это все, что ты увидела у Бальзака?» – расширила сестра свои туманные глаза. И Лиза растерялась, потому что, во-первых, это было не все, а во-вторых, то, что она видела, объяснить было решительно невозможно.

Ясность и правильность божьего мира, выраженные в числах и неоспоримых законах, не шли ни в какое сравнение с полнейшей путаницей, с дебрями, в которые люди умудрялись превратить этот мир, натащив в него и густо намешав лицемерие, бестолковщину, зависть – так, что бесполезно разбираться, кто прав и кто чего на самом деле хочет. В математике же дважды два и пифагоровы штаны давали свой постоянный честный результат независимо от обстоятельств и настроений – и Лиза любила математику, как любят то, что дается без усилий и понимается без объяснений. Считать правильно было так же легко, как писать грамотно, – и она не понимала, почему для Ани это не просто неинтересно, но нескрываяемо низменно. Ведь сам процесс расчетов пролетает незаметно, свернуто, не имея ничего общего с эмоциями Коробочки или Скупого рыцаря.

А лекции в Финансовой академии, которую она окончила, вообще были похожи на авантюрный роман. История экономики состояла из волшебных превращений: бумажка приравнялась к настоящему золоту, а потом и вовсе делалась виртуальной – и весь мир всерьез играл по этим сказочным правилам, и люди гибли не за металл, а за его призрак. Все это требовало куда больше фантазии, чем художественная литература. Самым же абсурдным было то, что логически стройное математическое царство должно, как джинн из кувшина, обслуживать эти хаос и вымысел.

Но для Ани хаосом, дебрями и путаницей была как раз математика. Сестра органически не могла увидеть красоту цифр и интерес находила в дисгармонии мира, выраженной чем запутаннее, символичнее, сюрреалистичнее и так далее – тем понятнее и ближе.

– И вы, конечно, уже пересчитали им правильно сдачу? – с незаметно-добродушной насмешкой поинтересовалась Аня, снимая электрический чайник, ревущий, как ракета на старте, пытаясь греть об его бока озябшие ладони и тут же их отдергивая.

– Как раз собирались. Мамочка! А еще мне Лиза загадала такую задачку, про книжного червяка – знаешь? – с жаром сообщил Егор.

– Ну откуда же мне знать? – И Аня великодушно приготовилась слушать, грея руки теперь уже о большой бокал с чаем.

Лиза попыталась отвлечь племянника, но тот уже захлебывался:

– Книжный червяк залез в Пушкина! На полке стояло восемь томов, по два сантиметра каждый. Толщина обложки – два миллиметра. И он прогрыз весь первый том. Какой путь ему осталось прогрызть? – Егор замер в предвкушении.

Нет, лучше было все-таки уехать, а потом сделать дежурный поздравительный звонок, поняла Лиза, глядя, как Аня, стараясь не показывать раздражения, начинает умножать два сантиметра на семь еще целых томов, прибавлять толщину обложек.

– Неправильно, – торжествовал Егорка. – Не надо ничего считать! Тома стоят слева направо, первый том всегда с краю, а червяк же грыз с первой страницы до последней. Справа налево. И дальше книжек нет, они все с другой стороны!

– Молодец, не забудь потом папе задать эту задачку, – перевела стрелки Аня. – Ой, Лиз, ты куда? Мы совсем и не поговорили... Постой! А с Димой вы не помирились? Ну куда ты бежишь?

– Лиза, привет.

Вадим, Анин муж, распахнувший дверь, в первый момент был не совсем приятно удивлен – точно так же, как и Аня.

Всё по-прежнему, подумала Лиза. Так же как Света вся в хлопотах о своем королевстве, так и Аня с Вадимом – полностью в уединении своей маленькой семьи. И это постоянство почему-то приятно – как приятно постоянство вообще. Наверное, иной ход событий и воспринимался бы как аномальный, как отсутствие снега зимой.

– Так что же Дима? – тревожилась Аня, выходя следом. – Послушай, может, надо о нем поговорить? Может, ты жалеешь, что все так вышло?

– Не о чем говорить. Не было ни одного дня, когда бы я не радовалась, что ушла от Димы.

Принцесса на горошине

Ничего плохого в Диме не было. Он вообще не изменился с тех пор, как они познакомились и решили вместе снять квартиру. Дима оставался все таким же приветливым и немного рассеянным, всегда в благодушном настроении. Они продолжали проводить вместе выходные, ходить в гости к общим друзьям, ездить в Белогорск, но во всем этом появился непонятный, чуждый привкус – а чего именно, Лиза до сих пор не могла ясно обозначить. Фальши? Натянутости? Игры в порядочную, хорошую пару?

«Может, два бухгалтера – слишком много на одну семью? – предполагала потом Аня, сочувствуя сестре и точно так же ничего не понимая. – И на работе, и дома вместе – вы вообще друг от друга не отдыхали...»

Но общая профессия сказывалась на их почти семейной жизни разве что расходной тетрадкой. Работали они в одной строительной фирме, но в разных отделах и в течение дня не виделись. А вести тетрадь для записи расходов Дима предложил сразу, хотя тратили они по-прежнему каждый из своего кошелька, только продукты на неделю покупали вместе. «Для порядочка, чтобы потом не ахать, куда деньги летят, – пояснил Дима, – а заглянуть – и тут же вспомнить куда. Удобная штука, я и для себя всегда вел». И хотя смешно было вписывать «Прокладки – две упаковки» или «Подарок Диме на 23 февраля», Лиза прилежно и уже привычно вписывала, и это ее мало напрягало. Так же как бытовые дела – много ли надо для двоих?

Лиза ловила себя на странном ожидании: пусть это все поскорее пройдет и начнется настоящее. Только что? И что ненастоящего в этом течении жизни, которое она все время словно подгоняет? В добротном, обдуманном гражданском браке, который должен завершиться походом в ЗАГС? Чего ей не хватает? Странно, но ей не хватало самого Димы. Который засыпал и просыпался рядом, вместе с ней ел, ехал на работу и с работы и постоянно был перед глазами. Он был – но как-то параллельно. И если ее, Лизу, вычесть, он будет так же жить и делать то же самое, только дежурными репликами обмениваться с кем-нибудь еще.

Запаниковав от осознания собственной необязательности, Лиза призывала на защиту здравый смысл: да ведь ее же Дима выбрал, а не кого-нибудь еще. И ее не нет, она есть! И потом, люди должны иметь свое личное, недоступное для остальных пространство, личное время, нельзя поглощать друг друга целиком.

И все же эта жизнь словно подделывалась под реальность. Лиза с нарастающей тревогой ощущала, что это она сама лишилась пространства личности, и все любимые занятия – чтение, походы на природу, прогулки по Москве – выцвели, и то, что раньше ей давал целый мир, она теперь хотела получать только от Димы. Который занимался своими делами и, как любой живой человек, мог уделить своей девушке только свободное от этих дел время.

А Дима оставался все таким же приветливым, добродушным. Его вполне устраивало то, что есть. Похоже, ровное течение дней, состоящее из цепочки привычек, было для него стабильностью, и именно ее он ждал от совместной жизни. Он, в свою очередь, не хотел от Лизы чего-то большего. Придаться было не к чему.

Но Лиза во всем начинала видеть подвох. Если он не с ней, даже когда с ней, почему она должна быть уверена в нем, когда он уходит из поля зрения? Он не родился с ее появлением, у него была целая отдельная жизнь, из которой ей известен только краешек. Москва – его родной город, где вполне вероятны другие маршруты и цели, о которых необязательно ей сообщать. А постоянная рассеянность во взгляде – обращенном на нее, Лизу, – может быть обратной стороной сосредоточенности на более важных вещах... работе... карьере... еще чем-то? ком-то? В эту субботу он помогает строить дачу начальнику отдела, в прошлое воскресенье ходил на мальчишник, потому что там был какой-то полезный человек. А что на самом деле могло быть до, после или вместо дачи и мальчишника? Об этом можно просто-напросто никогда не

узнать, оставаясь заводной куклой, которая киснет над расходной тетрадкой и пережевывает вот эти, одни и те же, почти бредовые мысли.

И Лиза, не веря, что она это делает, проверяла Димины карманы на предмет записок или других улик – чего-нибудь, что сможет ей объяснить происходящее. Быстро просматривала Димин мобильник – незнакомые номера и эсэмэски, – с отвращением осозная, что она теперь сама себе – такая, шарящая по карманам в поисках истины, – не нужна. И что себя в двух лицах – истеричной, непонятно чего хотящей Лизы-при-Диме, и настоящей Лизы, взвешивающей на первую с ужасом, – долго не выдержит. И никакой законный брак тут дела не поправит.

Лиза понимала, что должна сама, и как можно скорее, разогнать этот морок, прежде всего не сидеть в одиночестве, как в ловушке, – и шла на любимые улицы, один вид которых раньше и приподнимал над повседневностью, и мирил с ней. Но морок не проходил – она двигалась механически, погруженная все в ту же отъединенность и пустоту, не обращая внимания ни на афиши новых фильмов, ни на витрины, ни на красные светофоры.

Странно, а раньше то и дело встречались нечаянные радости вроде крохотного скверика, или фонтана, или разузоренного терема, который оказывался Юсуповским дворцом, и какая-нибудь старушка с коляской начинала рассказывать о нем всякие интересные вещи... Как это могло ее так захватывать? Вот сейчас она спокойно идет мимо причудливого дома, похожего на творение сумасшедшего кондитера, и ей все равно, кто в нем жил... И тут же вздрагивала: да ведь это как раз ненормально! Как же вернуться в свой мир, если он ее из себя исключил, к себе самой – настоящей?

«Мы задумали загородный дом покупать, – позвонила ей тогда Света. – Приезжай на смотрины». И Лиза уже в электричке поняла, что едет в Белогорск, так и не сказав об этом Диме, который опять строит карьеру на даче начальника. До последней минуты она не была уверена, что захочет поехать, потом все собиралась ему позвонить – и вот теперь просто едет. И вдруг ее охватил такой восторг оттого, что Дима ничего не знает и, если она захочет, и не узнает, – словно Лиза ехала не к родным, а по меньшей мере к любовнику.

Деревья за окном вдруг оказались живыми и красивыми, книжка в сумке, взятая просто так, – невероятно интересной. На станции продавали пончики с первозданным вкусом сахарной пудры, посыпанной щедро, как в детстве. Лиза стояла с бумажным пакетом в руках и так же щедро разбрасывала куски счастья столпившимся голубям.

Мир обрел смысл только оттого, что она ушла из-под контроля Димы, и он не мог достать ее ни звонками, ни мыслями о том, где она сейчас и что делает. Она стала счастлива, когда они исчезли друг для друга! Она вырвалась!

Неужели для того, чтобы перестать быть несчастной, ей нужно избавиться от «семейного счастья»? Пусть причина ее мучений необъяснима, ненормальна и неуважительна с точки зрения здравого смысла, но сами-то мучения настоящие – зачем же они нужны?

Лиза всегда была хорошей ученицей, потом примерной студенткой, потом перспективным молодым специалистом, и привыкла к тому, что каждая ипостась – сестры, дочери, подруги – открывает в ней положительные качества, – так зачем ей роль, проявляющая то отрицательное, мерзкое и низменное, что в ней, оказывается, есть? А Дима ни в чем не виноват, это у нее завышенные требования, которых она даже не в состоянии сформулировать. Значит, надо найти силы сознаться себе в поражении, в том, что семейные и вообще партнерские отношения с мужчинами – не для нее. Нельзя, наверное, быть одинаково успешной во всем.

«Не понимаю, что я делал не так? – недоумевал Дима, услышав, что Лиза переезжает. – По-моему, все у нас нормально. Может, ты просто устала? Мы могли бы, конечно, домработницу нанять на раз в неделю, но тогда с отпуском придется поджаться, сама понимаешь...»

Как она на самом деле чудовищно устала, Лиза поняла, оставшись наконец одна. Когда каждое утро вдруг оказывалось, что ничего не надо ждать, а можно просто жить – и сразу подхватывала волна радости, как тогда, в электричке.

«Пылесос можешь забрать, а кофемолку, телевизор и магнитолау я покупал, это записано». И Дима показывал тетрадку, раскрытую в нужном месте.

«Не надо, я ничего не буду забирать. – И, по неизжитой еще привычке отчитываться, Лиза объясняла: – Великанов из нашего отдела уезжает на Гоа и ищет подходящего жилья в свою квартиру. Там все есть, и пылесос, и кофемолка».

Лиза не любила обсуждать свое решение с родными, которые сразу начинали вставать на ее сторону и отыскивать в Диме всяческие недостатки. Этого совершенно не требовалось, это ужасно тяготило, но ни мама, ни Аня слышать не хотели о том, что их Лиза может быть в чем-то виновата: она непременно должна быть во всем права, она жертва, с ней обошлись несправедливо – как же иначе? Аня до сих пор никак не успокоится, и ее первый вопрос – о Диме, так же как у Светы – о работе.

А может, и вправду жаль, что все так вышло? Лиза даже приостановилась, переходя дорогу: чувство сожаления стояло комком в горле. Только Дима тут ни при чем. Тогда что? Может, зависть, что у Светы есть королевство, а у Ани – гнездышко? Но она же знает, что ей ни к чему ни то ни другое. Лиза продолжала доискиваться, дав себе команду: не врать, не притворяться – незачем.

И даже напрягаться не пришлось, это оказалось на поверхности: было жаль, что ни одна из сестер не спросила, как она сама, Лиза. Не как дела, или работа, или бойфренд... Боже мой, до чего наивно! Какой обиженный ребенок все еще сидит внутри.

Лиза прибавила шаг. Впереди, за большими старыми деревьями, показался родной дом, куда она, планируя лесной отдых, заглядывать не собиралась. Но теперь ее видели и Света, и Аня – значит, придется зайти, хотя бы для галочки.

В некотором царстве, в некотором государстве

Толкнула дверь – не заперто. Лиза громко позвала родителей, заглянула в комнаты, на кухню – никого. Даже кота Котангенса нет. Обычное дело: запирает, выйдя с мусорным ведром, в магазин или на минуту к соседям, у них не считается нужным.

На серванте сиротливо застыли фарфоровая балеринка, стеклянный шар, в котором, если его встряхнуть, идет снег, олененок с тонкими ножками, лающая собака – старые друзья, составлявшие компанию маленькой Лизе, когда она оставалась дома одна.

И это было куда лучше, чем отбывание времени в детском саду. Даже школа потом не воспринималась с таким ужасом. Наверное, потому, что там полдня – и свобода. А тут – заточение на целый длинный день, заранее вычеркнутый из жизни, в заведении с обманно сладеньким названием «садик». Первое понимание того, что такое свобода, пришло именно там, и тогда же Лиза уяснила, что свобода – это самое дорогое. Но неизбежными, как невкусные каши и неуклюжее пальто зимой, были коридор с запахом казенной еды из огромной кастрюли, ступеньки, ведущие в группу, спина уходящей мамы в окне...

И почему так тошно заниматься с воспитательницей – чем угодно, даже слушать, как она книжку читает, если то же самое так интересно дома – игрушки, книги, музыка, пластинки со сказками? Только осмысленно и не строем. Почему ее не могут оставить в покое, то есть дома? Лиза бы все точно так же выполняла... В садике почему-то все носятся и орут, и в группе, и на прогулке, и замолкают, только когда их начинают чем-нибудь занимать. А ее не надо занимать. Когда все уходит из дома, там поселяется особенная, никому не видимая жизнь, вроде той, что таится в полукруглом чердачном окне в доме напротив, за решетчатыми ставнями, откуда вылетают голуби.

Лиза устраивалась прямо на полу перед заветной дверцей в серванте – на полках с сокровищами лежали семейные фотоальбомы, мамины альбомы «Дрезденская галерея» и «Прага» – мама там была, значки и разные штучки из ее поездок, ракушка с окошком, за которым объемная фотография, вся их семья на Черном море. Все это были не просто вещи – они вмещали в себя истории, которые дремали и ждали Лизу. И даже в семейных снимках жили совершенно почему-то другие истории, о совершенно другой, счастливой семье. В мире, изображенном на них, происходили другие события – их можно было смотреть словно кино, листая страницу за страницей.

Картины в «Дрезденской галерее» делились на захлопнутые в самих себе и свободные. Какого-нибудь утыканного стрелами святого Себастиана с полуоткрытым ртом и закатившимися глазами надо было только поскорее перелистнуть. Ничего не могло произойти и на картинах Рубенса, кроме того, что Рубенс уже изобразил, – настолько он загромоздил их телами. А вот среди перистых деревьев и заманчивых руин оставалось пространство для Лизы. В прозрачных, выметенных голландских комнатах Вермеера и люди нисколько не мешали – какая-нибудь девушка, читающая письмо у окна. И вещи вокруг, метла, или корзина, или блюдо с фруктами, тоже жили своей тихой осмысленной жизнью и тоже не мешали – Лиза бродила там сколько угодно.

Книги занимали всю стену от пола до потолка, и если за ними неотрывно наблюдать – разноцветные корешки сами начинали присматриваться к Лизе. К некоторым рука никогда не тянулась, а к некоторым тянулась сама собой – тем самым, с пушистыми уголками, которые можно перечитывать до бесконечности... Правда, позже пришло открытие: *никакие* могли через время оказаться *теми самыми* – как будто сами знали, в какую пору к ней прийти и сбросить лягушачью кожу. А еще книги сами собой открывались на том месте, которое и стоило прочесть.

И одни на ощупь найденные мысли тянули за собой другие мысли, одни книги – другие книги. В то время как в школе вместо свободы поиска навязывался механический набор разрозненных знаний, каким-то образом сопоставимый с бестолковой беготней на переменах. Набор этот рос год от года, но так и не приводил к ощущению целостного познания живого мира, только длилось ожидание, что вот-вот, еще несколько штучек – и эти стеклышки соберутся в волшебный узор, как в калейдоскопе...

– Лиза?! Да как же ты не предупредила? Я бы торт купила, только что из магазина иду!

– Привет, дочка! Ничего, я баранки купил! Сейчас чаю будем...

– Да кому нужны твои баранки! Лиза терпеть не может баранки, за столько лет запомнить не мог?

– Как это – терпеть не может? Я прекрасно знаю, что Лиза всегда ест баранки! И всегда ела!

– Это Аня – баранки, тоже мне отец! А Лиза – пряники! Зачем тебе вообще покупать эту сушнину, не понимаю, – чтобы вставные зубы сломать и снова деньги платить? Лиза, идем же на кухню! Сейчас я чайник поставлю.

– А мой – уже кипит!

– Да что толку в твоих чаях? Человек с мороза, надо накормить нормальным ужином!

Чайников было два, мамин и папин. Телевизоров – тоже два: папа смотрел в своей комнате бесконечные новости, а мама в своей – сериалы и «говорящие головы». Готовили они тоже каждый свое, поскольку мама давно уже питалась правильно, без куриной кожи и сливочного масла, а папа все это ел принципиально, и в больших количествах, и гордился хорошими анализами. Никакого холестерина! Работали оба в Белогорском НИИ и на работу ходили по разным сторонам улицы. Впрочем, и раньше в их почтовый ящик клали две совершенно одинаковые газеты – две «Правды»: будто бы в парткоме заставляли подписываться обоим...

Лиза встряхнула стеклянный шар и устроила метель над маленькими домиками и игрушечным лесом, ожидая, когда родители замолчат. Но конца этому могло не быть вообще, а мог покатиться снежный ком упреков и воспоминаний о доисторических грехах, о неправильных родственниках. Надо было оставить записку – и скорее за дверь. Теперь же эта бессмыслица – носятся и орут, как в садике, как во внешней чуждой жизни – притащена в дом, со всеми его тайными сокровищами и тенями на занавесках, начисто сметая их вместе с выдуманной историей о счастливой семье...

Спасение пришло вместе с Аней.

– Я подумала – прибегу, посижу вместе с вами, – объяснила она, опасливо поглядывая на лица родителей. – Не умрут там Егорка с Вадимом без меня, часик потерпят.

Лиза обрадовалась. Папа торжественно провозгласил:

– «Благоволите, сестра и сестра, дочери Елизавета и Анна!»

Он всегда произносил эти поэтические строки, которые, должно быть, произвели на него впечатление в молодости.

Ужин прошел мирно, и Лиза расслабилась, и они даже вместе сели смотреть новости.

– А что же ты, Лизонька, в черном, как монашка? И украшений совсем не надеваешь? – спросила вдруг мама, а когда Лиза показала на свои серебряные кольца, махнула рукой: – Да это что! Железки! Уважающая себя женщина должна носить какую-нибудь золотинку.

– Дайте же послушать! Не слышно ничего! – взмолился папа.

– К тебе дочери пришли, а ты в ящик уткнулся! – накинулась мама. – Ты что, не можешь часу прожить без президента? Ну его, пойдемте в мою комнату. Сейчас я что-нибудь поищу...

Мамина резная шкатулка была еще одной сокровищницей. Из нее доносился запах духов, словно несколько последних, прощальных ноток зацепились за замшевую внутренность – неясные отзвуки далеких взрослых праздников, походов в гости, когда печальные дети остаются дома одни. В замшевых потемках жил кулон, который не подходил ни к какому наряду, старые

обручальные кольца, одинокая сережка с розовым камешком, о судьбе которой столько раз, со все новыми подробностями, рассказывала мама, – это был ее ларец с историями...

– Так и непонятно, что же это – аметист, александрит? – говорила мама, поднося к свету серьгу с прозрачным нежно-розовым камешком. – Никто их и не носил – ни мама, ни я, ни вы. Две серьги, а какая разная судьба: одна сразу потерялась, а вторая – всегда на виду, бесполезная. Моей маме эти серьги бабушка на свадьбу подарила, а она где-то обронила одну...

Тут из соседней комнаты из телевизора донеслось: найден неизвестный портрет кисти Леонардо – и Аня, не дослушав маму, побежала смотреть.

– Как жаль, – проговорила она почти про себя, когда сюжет закончился.

– Чего именно? – не поняла присевшая рядом Лиза. – Думаешь, подделка?

– Да нет, возможно, настоящий Леонардо. Изучат, атрибутируют – и узнаем. Ничего невозможного, нашли же недавно рукописи Баха где-то на чердаке. Наверное, вообще жаль – утраченных шедевров. Об этом портрете никто не знал – и вдруг его находят. А столько известных произведений, судьба которых теряется, и они, может быть, никогда не всплывут. Портреты Лауры и Петрарки Симона Мартини. Туринский часослов с миниатюрами Хуберта ван Эйка. Потонувший корабль с коллекцией живописи, которую заказывала Екатерина Великая. Его, может, поднимут когда-нибудь, а может, и нет. А вторую часть «Мертвых душ» уже не воскресишь. И того, что Пушкин не успел написать. Всего жаль, понимаешь?

Лиза не понимала. Ей казалось, что в искусстве все так же закономерно, как и в природе, где все встает на положенные места в соответствии с неведомой системой и подлинно художественные произведения возникают не по слепой случайности, а заполняют собой заранее уготованные пустоты – и тем из них, что вольются в эти пустоты с абсолютной точностью, предстоит вечность. Из этого исходило то, что сожаления и причитания – о ранней смерти поэта, например, – совершенно нелепы. Ах, сколько бы он смог еще написать! Но ведь границы жизни и смерти и заключенные в них творения взаимозависимы, судьба не допускает перекосов, и сделано бывает столько, сколько отмерено.

– Ну, это уже жадность. Думаю, мы получили все, что положено. Автору лучше знать, сколько написать и сколько сжечь, а судьбе – что потопить, а что забросить на чердак. Надо уметь быть благодарными за сумму того, что мы имеем, как за природу без динозавров, саблезубых тигров и прочих несохранившихся промежуточных видов.

– Сумму? – с оттенком иронии переспросила Аня.

– Ну да, со мной же не о чем разговаривать, что я понимаю? – без промедления согласилась Лиза и поднялась.

– Да дайте же, в конце концов, досмотреть новости! Не слышно же ничего!

– Какие новости, Лиза уходит!

– Куда? Почему? Она же только пришла.

– Откуда я знаю? Отвлекись ты от экрана, в конце концов!

Родители продолжали пререкаться, а расстроенная Аня вышла в прихожую следом за сестрой.

– Ну вот, не хватало еще из-за какой-то ерунды... – начала она.

Лиза, быстро застегивая шубу, перебила:

– Главное, чтобы мы не закончили поножовщиной из-за какого-нибудь дележа. Остальное – в самом деле ерунда. Я пошла.

– Но может, еще посидим? Куда ты все бежишь? Я пришла, своих бросила...

Аня была такой прозрачной, такой беспомощной. Но Лиза уже с порога бросила:

– Ань, давай перестанем притворяться хорошими.

– Мы разве притворяемся? – Аня прижала ладони к губам.

– Тогда давай будем хорошими ровно столько, на сколько хватит сил. На пять минут – значит, на пять минут. А потом – не надо притворяться, если мы уже друг от друга устали. Лучше вовремя распрощаться, чтобы не превратиться в родителей.

Всю обратную дорогу перед глазами стояло несчастное лицо сестры. «Ее глаза как два тумана, полуулыбка, полуплач...» Надо же было так сорваться! Не хотела домой – боялась, развезет от воспоминаний, но что сама она начнет кидаться на родных, Лиза и представить не могла.

Постоянство мелочности, постоянство непонимания, раздоров, отчужденности – это уже не то благостное постоянство. Лиза успела забыть, как оно выматывает, как мгновенно лишает сил. В леса, в леса! Подальше! Правильно все было задумано! Нечего было делать в Белогорске.

В автобусе поскорее уткнулась в книжку – проверенный способ отключиться от домашних неурядиц. Сейчас Ганс Касторп, приехавший в туберкулезный санаторий в Швейцарии, отправится на обед и окажется в уже знакомой компании, ведущей уже знакомые разговоры. Сейчас и сама Лиза окажется в таком же обществе. И уже известно, чего от кого ожидать.

Волшебный клубок

– А у нас новый сосед, – громко сообщила Аллочка. – Просто маскарад! Парад двойников. Представляется как Филипп Шницер, мы глазами хлопаем – а Волчок тогда кто?

– Это я виноват, – вмешался новый жилец – худощавый мужчина под пятьдесят с провалившимися глазами. – Но, поверьте, криминала никакого. Я в вашем городе заказ выполнял – резные деревянные богатыри в парке, может быть, видели. Замысел не мой, повторение работы мастера Головина – жил у вас тут, в Белогорске, такой художник, украшал парк деревянными скульптурами от широты души. Потом умер, а все сгнило – печальная история. Теперь возобновляют кое-что. Я был его учеником, потому меня и пригласили. К оплате отдых прилагался, а я сначала Данилу за себя послал, потом сам приехал...

– Данила Волков – вот он кто у нас на самом деле, – заявила Аллочка, заставив юношу с хвостиком покраснеть. – Потому и Волчок, понимаете? Ну, он тоже остается, мы к нему привыкли. Ученик Филиппа Евгеньевича, юный талант!

Лиза продолжала смотреть на Филиппа Евгеньевича. Последние сомнения рассеивались. На нее глядели знакомые серые глаза, знакомые в разных вариациях – ясные у Светы, туманные у Ани, бездонные у мамы на молодых портретах и у самой Лизы в привычном отражении зеркала. Серые тучковские глаза, которые раз увидишь – и с другими не спутаешь.

Три сестры Тучковы носили сказочные, литературные имена: Людмила, Василиса и Светлана. Лизина мама деятельно помогала родственникам, то устраивая племянников в институт, то пристраивая кого-нибудь на работу. Филипп, седьмая вода на киселе, вообще жил у Бурматовых все годы, пока учился. На даче тоже все время кто-то жил с весны до осени.

Дружба прекратилась, когда общая древняя родственница оставила наследство – избушку на краю города – почему-то Лизе. Родственники были возмущены. Лиза до сих пор холодела, вспоминая, как они нападали на маму, требуя разделить все поровну, а та твердо отвечала, что волю покойницы менять не собирается. И две сестры порвали отношения с третьей.

Когда в книжках попадалось слово «наследство», Лиза вздрагивала и не сразу понимала, почему герои радуются.

Избушка-развалюшка пустовала. Никто ее не покупал. В последнее время пришлось пустить жильцов, чтобы хоть как-то ее оплачивать.

Кузины и кузены, кроме Светы, исчезли, будто их и не было. Филипп из молодого красавца стал почти стариком и Лизу не узнавал. Да и она бы его не узнала, если бы его не назвали по имени и, главное, по фамилии.

– ...Мне сказали, что «шницер» по-немецки и по-польски означает «резчик по дереву», когда я уже давным-давно был в профессии, – рассказывал бывший родственник Аллочке, которая ради него отстала от Логинова. – А родные по матери – Тучковы, фамилия известная, я все собирался разузнать, имеют ли они какое-нибудь отношение к тому генералу двенадцатого года. Здесь даже село Тучково есть неподалеку...

– Сами запустили процесс саморазрушения – сами и должны остановить. Отдохнете душой и телом, посмотрите на звездное небо, послушаете тишину – и вззоете, – втолковывал Логинов Кочубею, пока Лиза поднималась в свою комнату.

Вдруг одна из дверей с треском распахнулась – и наружу выкатилась нешуточная борьба.

– Ну вот, чуть Лизу не убила! Лиза, извините! С ней просто сладу нет! – кричала Ольга Майская. – Тата, кому говорю – займись своим гребаным заданием! Тебе же условно отметку поставили за полугодие! Мне что, делать нечего, только за тобой бегать?!

Младшая сестра молча сверкала глазами и пяtilась. Старшая в чем-то экстравагантном, развевающимся, с капюшоном – то ли средневековая мантия, то ли одеяние амазонки – надви-

гальс на нее. Фыркающий боевой конь сам собой дорисовывался рядом. Лиза хотела продвигаться бочком, как вдруг заметила в руках у старшей что-то вроде копья – и не сразу поняла, что это длинные вязальные спицы, металлические, с серьезным блеском холодного оружия.

– Вы это что, деретесь на шпагах? – захохотал Волчок, повисая на перилах.

– Да так бы и убила, – потрясала спицами Ольга. – Не слушает ничего! У меня завтра зачет, а она...

– Ну, что я говорила? – захлопала в ладоши Алла. – Нам здесь только трупа не хватает!

Заданием, которое надо было выполнить или умереть, оказалось вязание: шестиклассницы обязаны уметь вывязывать лицевые и изнаночные и в доказательство должны представить образцы. Тане Майской грозила двойка по домоводству.

– И чего девок мучают? – посочувствовал Кочубей. – Кто сейчас этой фигней занимается, все готовое же продают. Оленька, да ты б лучше сама ей связала – и чай пить с шоколадкой. Или кофе. Лиза, угощайтесь. Сам сварил.

Лиза покачала головой, а амазонка закричала почти со слезами:

– А я умею?! Далось мне это вязание! Какого черта было забирать ее из английской школы и засовывать в эту школу благородных девиц, если она танцы презирает, а рукоделие ненавидит! Позвоню папе, пускай приезжает и сам тут с ней...

– Так ведь не приедет, – почему-то уверенно сказал Волчок и пояснил: – Мой не приезжал, даже когда я один раз сломал ногу и шею чуть не свернул. У твоего же бизнес, наверное?

– Да, – отвечала Ольга, утихая, тронутая его вниманием.

– Тогда точно не приедет, – успокаивал Волчок.

– Таня, пойдем к свету, – предложила Лиза, так и не ушедшая в свою комнату. – Давай я покажу лицевые и изнаночные. Или в самом деле свяжу тебе образцы.

Они присели на диван под светильник, около двери в комнату с замороженным летом. Лиза удивлялась, как руки сами вспоминают нужные движения. Пушистая пряжа приятно перебегала под пальцами. В счете петель, их правильном чередовании был тот стройный порядок, которого всегда не хватало в жизни.

Когда-то она начинала с самого сложного – со свитеров, и самый красивый подарила Ане. Пыталась сама создавать узоры, вырисовывала живые лепестки, но поначалу, когда рисунок переводился в схему, жизнь из него пропадала. Когда же он воплощался на спицах, от замысла вообще ничего не оставалось. И надо было научиться соединять три слоя зрения, и видеть сразу то, что может получиться, и от реальности идти к идее через соображения, как выстроить ее по клеточкам, чтобы затем воплотить в реальность. Лиза и сейчас увлеклась.

– Лучше не унылые образцы вязать, а настоящую вещь, и не для себя, а для дорогого человека. Тогда сразу начнет получаться. Самое простое – шарф. Ты папу ждешь на Новый год? Может, папе?

Снаружи ветер гремел железным подоконником, и пищал, и свистел, и так уютно было сидеть в световом круге, который отделял их от остального пространства маленьким островком.

– Это леший бесится, – серьезно поясняла Лиза, – ему пора устраиваться зимовать, а он не хочет с лесом расставаться и буянит, деревья ломает. Зверей разгоняет по норам.

– Леший – тот самый?

– Ну да.

– А ты на чем завтра на зачет – на такси, или сама водишь? – болтал Волчок с Оленькой Майской, благополучно забывшей о существовании сестры.

Вася безмолвно застыл на ковре.

– Как все-таки приятно, когда женщины вот так сидят с рукоделием, – вздохнул Кочубей. – Вы, Лизонька, зачаровываете этими своими спицами, прямо как шаман – блестящей погремушкой.

– И совершенно не похожи на невесту олигарха, – добавил Логинов. – Вас тут так называют, – пояснил он, глядя мимо зардевшейся Аллочки.

– Вы, Лиза, такая загадочная, – затараторила та, кидая гневные взгляды на предателя. – Мы все гадали, кто же вы – такая молчаливая, постоянно в черном...

– Тогда уж, вероятно, вдова олигарха в трауре, – насмешливо предположил Логинов, которого Аллочкино смущение откровенно забавляло.

– Я не невеста олигарха, – спокойно сказала Лиза, поворачиваясь к публике почти спиной. Завораживать немолодых толстячков и раздражать их жен не входило в ее планы. – И не вдова.

– Нет, Лиза знаете, на кого похожа? – вмешался Данила, к явному неудовольствию Ольги. – На «Мадонну с длинной шеей»! Такая картина Пармиджанино. Правда, Филипп Евгеньевич?

– Пожалуй, – не сразу ответил мэтр, приглядываясь к Лизе.

– Слышите? – подняла палец Таня. – Кто-то пищит! Это уже не ветер.

– Ну кому тут пищать? Чего ты выдумываешь? – Ольга, рассерженная Данилиной тирадой, нашла, на кого накинуться.

– Пищит, – упорствовала Таня. – Я выйду посмотрю – вдруг кошка?

– Какая еще кошка? Никуда не пойдешь. Темнотища такая!

– Давайте я. – Лиза вслушалась – в звуки ветра действительно вплетались слабые живые нотки.

– И я, – привскочил Данила.

– И я. – Шницер, положив руку на плечо, вдавил его назад в ступеньку, на которой тот сидел.

Лиза, накидывая шубку, мельком заметила довольное лицо Ольги – и недовольное Данилы. И Кочубея. И Логинова.

Филипп на морозе сразу закашлялся. И, торопясь, спросил севшим голосом:

– Вы – Лиза Бурматова? Извините, если вдруг ошибся, мне показалось...

– Не показалось. – Почему она отвечает так насмешливо? Не все ли ей равно?

– Значит, точно... – Шницер теперь кашлял, пожалуй, даже дольше, чем требовалось, – видимо, чтобы неловкую паузу замять. – Я не сразу... Ты же была совсем девочкой, когда мы виделись, а теперь такая барышня...

– И что? – Вопрос звучал великолепно – убийственно, как в самой пошлой мелодраме. Лиза даже смотрела сверху вниз, потому что стояла двумя ступеньками выше.

– Да ничего... Не сразу узнал. Извини. Я понимаю, что тебе со мной какие разговоры – старшее поколение все перессорилось, и мы потеряли друг друга из вида. Полжизни прошло. Да... Я просто подумал, что, если ты – это ты, надо хоть поздороваться.

Лиза не понимала механизма этой реакции – того, что родственники уже второй раз за день выводят ее из себя. Почему-то она могла терпеть бестактность, занудство и даже истерики посторонних людей из коттеджа. Их назойливость, глупые шутки, пустопорожнюю болтовню. И совершенно не могла пропускать мимо ушей то же самое, исходящее от родственников! Хотя кто-кто, а Филипп кажется куда более посторонним, чем обитатели «Лесной сказки».

Но она уже заговорила, понимая, что не остановится:

– Со мной разговоров в самом деле не требуется, и здороваться не обязательно. И матери наши сами между собой разберутся, я в их дела не влезаю. Поразительно только, как тебя память подводит. «У вас тут в Белогорске», – передразнила Лиза. – Как будто ты сам в этом Белогорске не жил! И куда вы все потом провалились? Когда мои родители стали старыми, бедными и больными? Ты так возненавидел мою маму, что за столько лет ни разу ей не позвонил или открытки не послал? Или теперь на кой нужны родственники, у которых не пообеща-

ешь? Кстати, я тут не единственная тень из прошлого. Ты тут еще одну кузину можешь встреть, Светку, – это ее владения. – И перевела дух.

Филипп слушал, не перебивая.

– Да, паршиво же я выгляжу в твоих глазах, – подвел он итог, но ни виноватым, ни смущенным, ни потрясенным Лизиной речью не казался. Скорее отрешенным. – На самом деле Белогорск и твоя мама – самые глубинные воспоминания, которые исподволь греют, а в нужный момент поддерживают. А то, что все скатилось в никуда, – обычная тупая инерция, никаких тут нет ни счетов, ни обид. В молодости привыкаешь только брать, и это выглядит как будто так и должно быть. И само собой разумеется, что тебя все любят. А потом просто увязаешь в своих делах, важнее которых ничего быть не может, – и все, и жизнь пробежала. У меня никогда не было меркантильных расчетов попользоваться богатыми родственниками, которые потом стали бедными, – хотя я понимаю, что это неубедительно звучит. Нас всех потом в одночасье сделали бедными. А тетя Василиса уже умерла, вы знаете?

– Как же мы могли узнать, если нам никто не сказал? – пожала плечами Лиза, безжалостно обходясь без стандартных соболезнований. – А как мы выглядим в глазах друг друга – думаю, переживем. Давай не будем притворяться родными и вымучивать какие-то родственные чувства. И давай наконец эту кошку искать. Я же слышу – мяукает.

Но та уже нашла их сама. Это была большая взрослая кошка, зеленовато-серая, полосатая – камышовая. Проворно подбежав к крыльцу, она выразительно посмотрела на дверь. Ее появление в холле вызвало переполох. Алла побежала за колбасой, которую держали для Кочубея, и молоком, которое держали для Мишутки, а Ольга и Таня – за подходящими чашечками. Мишутка проснулся и тянул к зверушке руки, Данила тоже пытался ее погладить, Вася наблюдал из дальнего угла. Логинов и Антонина Ивановна выразили свои мнения:

– Покормить и избавиться. У приبلудной кошки может быть все, что угодно.

И:

– Кошка явно домашняя, посмотрите, как деликатно и уверенно она себя ведет.

В самом деле, дикая не пошла бы прямоком к камину, подумала Лиза. Спокойно ест из чашки – бездомная схватила бы кусок и потащила в угол. Наверняка забрела с дач или из соседней деревни.

– Ну, я могу ее завтра куда-нибудь увезти, – неуверенно предложил Кочубей. – А сейчас – не на мороз же выставлять.

– Кто погубит кошку – семь лет без удачи, – припугнула Лиза.

– Семь лет?! Ну уж нет! Я суеверный. Мне без удачи нельзя. Девайте ее сами куда хотите.

– Аллергия, лишай, глисты, – флегматично произнес Логинов в сторону Аллочки.

Та, подкладывая в чашку колбасу, предположила:

– Горничная увидит и выгонит.

– Не выгонит. Я договорюсь, – неожиданно сказала Лиза.

– А я могу забрать в свою комнату. Меня аллергией не проберешь, – добавил Шницер.

Дневник Тани Майской

Сегодня мы с Л. забрались в здание старого санатория. Большое, стеклянное, выглядывает из-за деревьев, как привидение. Бывшая столовая. В жизни бы не поверила, что буду лазить по заброшенным домам!

Внутри сумрачно, несмотря на стеклянные стены. Вестибюль – как футбольное поле. И во всю стену картина: синие волны, желтый пляж, загорелые люди – играют в мяч, в бадминтон, плавают. Дети строят дворцы из песка. Все здоровые и радостные. Я таких счастливых лиц никогда не видела. Л. сказала, что они и раньше были только на картинах и в старом кино. Что это герои советских мифов.

И вдруг раздался чудовищный хохот! Звуки заполнили все здание до потолка, и переполнили, и летали от стены к стене. Я схватилась за Л. и зажмурилась. Думала, что-то сверхъестественное. А оказалось, это человек. Даже двое. Правда, напугал нас только один – идиотский Волчок. Он теперь, как выяснилось, Данила, но все равно пусть будет Волчок. Я так привыкла. Второй, Шницель, или как его – Шницер, похожий на скелет с глазами, поклонился нам как-то опасливо, издал. А Волчок как спросит:

– Что же вы не ругаетесь, я вас напугал, наверное? – И голос опять получился гигантским, как фигуры на стенах, как будто это они заговорили. Волчок аж рот себе зажал.

Я думала, Л. сейчас его отчитает, а она чему-то обрадовалась и говорит шепотом:

– Скажите что-нибудь еще, Данила, только не так громко.

– А что сказать?

– Ну, вы же оживили великанов, говорите за них. Что угодно, хоть про погоду: какая погода хорошая!

И Волчок послушно повторил:

– Какая погода хорошая.

И получилось уже не страшно, а просто громко, как в мегафон, и даже торжественно. А Лиза как ни в чем не бывало:

– Какой песочек горячий!

И я подключилась:

– А какая водичка теплая! Пойдем купаться. И так заговорили все великаны, и великаниши, и великанские дети. Они смеялись и обсуждали, что дадут на обед и какое вечером будет кино. Так здорово! Один Шницер отмалчивался и шепотом объяснял:

– Закашляюсь и все испорчу. А давайте поднимемся в столовую? Там тоже есть панно.

И мы вошли по грандиозной лестнице, где каждая ступенька по отдельности, а в просветы между ними видно пространство внизу, как с дерева, когда лезешь с ветки на ветку.

Столовая оказалась как целых два футбольных поля, только с колоннами. Там легко представлялись столы с белыми скатертями и с уменьшенными копиями великанов, которые с аппетитом едят. Картина на стене была – деревья, озеро, многоэтажные дома, подъемные краны. А великаны идут на фоне всего этого, взявшись за руки, и смотрят не на нарисованные пейзажи, а на настоящие – в окно.

– Тоже Головина работа, – сказал Ш. Волчку, а нам пояснил: – Я Данилу на экскурсию привел, показать советскую монументальную живопись. Как удачно, что все сохранилось.

– А этих будем оживлять? – Волчку не терпелось еще поиграть! Дитя малое.

Но Л. не решалась:

– Они какие-то... смотрят непонятно куда. И не друг на друга, и не на нас. И о чем думают, непонятно.

– Те, внизу, лучшие были, – согласилась я. – Эти идут неестественно – как будто земли не касаются.

Ш. не пойми чему обрадовался:

– Вот, даже ребенок заметил – где мастер вольно, по своему замыслу работал, а где по указке сверху! Головин мне бумажку показывал – заказчик начальственной рукой эскизец набросал. Это они, Танечка, к светлому будущему идут так возвышенно. Но руководство на ура приняло, никакой иронии не усмотрело. А Головин на фон переключился. Видите, весь Белогорск, точный силуэт конца семидесятых – по фотографиям можно сверять.

И опять закашлялся. Стало его жалко, я даже на «ребенка» не обиделась. Л. предложила уже уходить – холодно, но Ш. вспомнил, что тут еще был кинозал. И как хорошо, что мы туда пошли! Потому что там чудеса, там леший бродит. На стене нарисованы избушка Бабы-яги, и дебри, и кот. Но главное – сам леший! Уже не нарисованный, а самый настоящий! Он в углу на пеньке сидел, сам похож на пенек. А когда мы подошли ближе, он и правда оказался корягой, причудливой такой, с руками и ногами. Посмотришь с одной стороны – и он на тебя смотрит маленькими глазками, заглянешь с другой – опять коряга. Вот это да! И Ш. говорит:

– Вот это да! – И торжественным, почти великанским голосом: – Вы видите одну из знаменитых корневых скульптур Глеба Головина – вот что вы видите. Они же все наперечет, по музеям. Надо же, где уцелел! И в каком отличном состоянии! Нужно в Москву позвонить и в местный музей.

А Л. так насмешливо:

– Что ж, одна моя сестра представляет интересы музея, а вторая – дома отдыха, правопреемника санатория вместе со всеми лешими. Аня против Светы – кто кого? Вот пойдет дележ – любимое семейное занятие! Но я им обоим позвоню, если хочешь.

Ш. радостно кивал:

– Лизонька, ты определенно приносишь удачу. Мы с Данилой увидели, как вы направляетесь в лес, он и говорит – пойдём и мы за ними...

Как странно – они оба уже на «ты». Волчок это тоже заметил и погрюстнел. У него, как у маленького, эмоции сразу отражаются на лице. И г-н Логинов тоже заметил, за обедом, и тоже был недоволен. Хотя на его лице никогда ничего не написано, кроме глубокого самоуважения. Аллу, разумеется, распирало любопытство, она едва удерживалась.

А после обеда к Л. пришли две сестры. Одна – точная ее копия, только пониже ростом и волосы вьются на висках. Видно было, как появляются мелкие кудряшки, когда она держала кружку с горячим чаем. Это очень красиво. Алла давай тараторить:

– Ах, как вы похожи! Ах, какие вы обе красавицы! Просто одно лицо.

А г-н Логинов тут же опроверг:

– Ничего подобного. Совершенно разные люди. С этой Аней был сын, а со второй сестрой – двое детишек, и Л. их так радостно встретила. И мы опять отправились в дом великанов! Увязались и Кочубей, и Логинов, и Оля как раз приехала со своего зачета. Все очень быстро переишли на «ты», кроме Логинова. Кочубей подавал дамам пальто и шубы, да так ловко, я даже не ожидала, сразу попадаешь в рукав. И так весело мы шли, и всю дорогу шутили, и жалели, что нельзя кидаться снежками. Правда, было немного жаль делиться со всеми сумрачными залами, которые утром были только наши, – но шумная куча ничего не испортила.

А потом вместе пили чай у нас в холле, и пересказывали все Антонине Ивановне, и показывали фотки лешего на мобильных, а она жалела, что не может сама пойти посмотреть.

Мальчишки съезжали по перилам и ужасно шумели, и тогда Л. вспомнила, что в «библиотеке» есть шахматный столик. Мужчины тут же притаились. Ш. еще и книжки приволок. В ящиках стола лежали фигуры – большие, деревянные. Я шепнула:

– Великанские шахматы, – и Л. поняла и улыбнулась.

Мальчишки играть не умели, и Л. упростила – оставила только пешки. И они играли в пешки. А мы смотрели – я и Вася с кошкой. Имя ей пока не придумали. Все так и зовут ее – Кошка, и она откликается.

Антонина Ивановна читала Васе вслух. Буря мглою небо кроет. Как за окном. Но он даже картинки не смотрит, хотя слова слушает.

И так хорошо день прошел, особенно без Логинова. Он появился вечером, но портить ничего не стал. Алла объяснила, что Ш. – один из Лизиных родственников, и он расслабился.

Пациент скорее мертв, чем жив

Лиза шла по длинному коридору и среди множества дверей искала нужную. Но это были не те двери. Она продолжала поиски на другом этаже в очередных длинных коридорах. Иногда заходила в какой-нибудь кабинет, где нужно было вести рутинную офисную жизнь. Иногда за дверью оказывалась жилая комната – там следовало заниматься домашними делами. Порой она узнавала помещение банка, в котором проходила практику, – но это было несколько лет назад, как она сейчас там оказалась? Иногда за дверями мелькали люди в пижамах и кровати с железными спинками – больничная палата! – Лиза отшатывалась и убегала.

Она начинала подозревать, что перемещается по замкнутой траектории в огромном многоэтажном здании-лабиринте, которое проглотило ее, и принималась паниковать и искать выход. Но выхода не было. Только бесконечные коридоры. И вдруг – стеклянные двери и улица за ними! Лиза выбежала наружу, но у крыльца стояла санитарная машина, возле которой суетились медики. Все дружно повернулись в ее сторону, и Лиза обмерла, вспомнив страшную палату с полосатыми пижамами. Ей не уйти от безумного здания, ее сейчас туда вернут...

Страх был таким непомерным, что Лиза проснулась. Значит, он вернулся – ее постоянный сон, в котором она уже несколько лет бродит по этому зданию. Но если раньше только искала выход, то сейчас впервые нашла его – и поняла, что ее неумолимо запихнут обратно.

Она не попыталась снова заснуть и не включила свет. Ужас был внутри, а не во внешней темноте. Лиза любила темноту. Она и в детстве ее не боялась, и чувствовала себя в ней гораздо лучше и защищеннее, и любила подолгу разглядывать тени на стенах – те самые, постоянные, дружественные, – приходящий к ней каждый вечер театр теней. И знала, что этот мир скрытых смыслов и смутных воспоминаний и историй, возникающих, как сны, неизвестно откуда, – и есть ее настоящий мир, в котором она была всегда, до того как ее вытолкнули в пространство беспощадного света, резких звуков и бессмысленной суеты.

Маленькая Лиза смотрела на всех вокруг с беспомощным удивлением, как на инопланетян, которых ей не понять и которые никогда не поймут ее, особенно на взрослых – они почему-то обращались с ней как с ничтожеством или слабоумной, хотя она все понимала не хуже их. Ее до сих пор удивляло, почему они тогда не хотели в ней видеть ту же Лизу, которую видят сейчас, ведь ее самоощущение с тех пор не изменилось, только от чужой бесцеремонности и своеволия теперь защищала взрослая оболочка.

Как же кошмар проник на сокровенную ночную территорию? Ведь накануне был чудесный день – приехали Света и Аня, поведавшая, что Шницер явился к родителям с визитом и с тортом, врасплох, спозаранок. Возвращение блудного племянника... И они, родные и двоюродные, сидели дружной шумной кучей, как раньше. Никто ничего не подсчитывал, никто никого не упрекал. Даже обитатели коттеджа не мешали. Лиза давно уже не засыпала с такой счастливой, блуждающей улыбкой.

***

Алла весело сообщила:

– А мы идем в бассейн! С Мишуткой, оказалось, ничего серьезного. Врача из города вызывали, он говорит – просто зубик лезет. А то всю ночь так хандрил, что я уж подумала – не обижайся, Лиза, – это твой кузен на него на-кашлял. Он, правда, сейчас поменьше кашляет, тут воздух целебный, сосновый...

В холле снимал пальто с вешалки детский доктор из Белогорска с совершенно чеховским обликом – худенький, борода клинышком и очки, которые хотелось назвать «пенсне».

– Здравствуйте, Леонид Борисович, – сказала Лиза.

Доктор сразу же узнал:

– А, Лиза Бурматова! Фамилию еще не переменяла? Как самочувствие?

То, что маленькой Лизе становится хуже, заметили не сразу: Аня пошла в первый класс, и надо было встречать-проводить, помогать готовить уроки. Без матери отец и бабушка еле справлялись. А мать ушла на месяц на повышение квалификации. Ну простыла младшая, ничего особенного.

– Почему не позвонили? Не дали телеграмму? – бушевала мама. – Как можно за месяц довести ребенка до осложнения на сердце?!

– Нечего было уезжать, – поджала губы бабушка. – Не от болезни это с ней, а от тоски.

И в самом деле, Лиза до сих пор – плечами, пустотой в душе, теснотой в груди, пережатым горлом, всей собой – помнила то тягостное, нескончаемое ощущение – ожидание мамы. Все любимое стало бессмысленным – книги, игрушки, цветные карандаши. Но вот мама дома – но говорит, что надо собираться. И Лиза собралась – вытащила с полки Сутеева, разноцветные истории в картинках.

Детская больница, где ее оставили, оказалась еще хуже, чем детский сад. Там свобода отсутствовала вообще, и было бесполезно ее ожидать к назначенному часу – никто здесь не знал, когда снова окажется дома. Едой считались поистине детсадовские каши и мутные супы. По ночам вся палата покрывалась ковром из тараканов – шевелились и пол, и тумбочки, и спинки кроватей. Вокруг копошились дети разных возрастов, которые, хоть лица их и были бледными или синими, сутились и орали не меньше детсадовцев. Орали даже больше, потому что здесь по несколько раз в день приходила медсестра с таблетками и шприцами.

И снова, как в садике, Лиза ощутила, что ее мир уменьшился до границ ее собственного тела, и только внутри его была она, а вокруг – враждебная среда, для защиты от которой следовало укрыться в себе еще прочнее.

Несколько игрушек, взятых из дома, перестали быть ее продолжением, не только потому, что в палате их тут же обобществили, а потому, что по ним проползли тараканы.

Большую куклу-младенца, которую папа привез из Германии, сразу заметила пышная нарядная дама – главврач, которая один раз прошла по палатам и обрадовалась: «О, моей дочке она очень понравится!»

А когда приходила медсестра со шприцами, надо было просто ждать, когда это кончится, – примерно как перевернуть альбомную страницу со святым Себастианом, в которого вонзаются стрелы. Просто медленное, замедленное переворачивание страницы.

Всё это не имело ни смысла, ни отношения к Лизе. Смысл отыскивался разве что в книжке Сутеева, переносящей в подлинный счастливый мир, где может происходить множество историй, кроме тех, которые написаны. Наверное, таково было волшебное свойство картинок. Как удачно, что Лиза взяла как раз эту книжку – ведь с Буратино и Незнайкой могло бы происходить только то, что уже придумал автор... Лиза и спала, обнявшись с книжкой, чтобы никто по ней не прополз, а когда замирала над раскрытыми страницами, дети носились мимо, словно она становилась невидимой.

Замечала Лизу только старшая в палате, двенадцатилетняя Юля с короткими волосами, которые разлетались вокруг лица солнечно-желтыми лучиками, и с такими же солнечно-кариими глазами. Она могла бы водиться с большими, как она сама, девчонками из соседних палат, но подошла почему-то к маленькой Лизе – та уже не раз ловила ее одобрительный взгляд.

– Это правильно, – сказала Юля, кивая на книжку. – Только так и надо. Что там? Три котенка?

Подобрав с пола конфетный фантик из фольги, она быстро – Лиза не успела понять, как это получилось, – свернула из него самого настоящего котенка: с ушками, мордочкой, лапками,

длинным хвостом и гибким кошачьим туловищем. Она и раньше видела, как Юля мастерит всякие фигурки из листочков бумаги, салфеток, старых газет, пластилина, разноцветных проволочек. А котята из фольги вышли живые, подвижные, им можно было переставлять лапы, поворачивать головы и хвосты.

И Юля с Лизой разыграли маленький спектакль – тут же, на Лизиной кровати, по сценарию из книжки: их котята прыгали в чашку с мукой, которую изображала подушка, пролезали в трубу – картонную трубочку от туалетной бумаги, а уж в пруд падали самый настоящий – чью-то мыльницу, наполненную водой, потому что ребяташки из палаты столпились вокруг и начали принимать активное участие. Всем так понравилось, что пришлось показывать продолжение – Лиза придумывала его на ходу, а Юля тут же подхватывала, и все получалось. Уже и из соседней палаты пришли, и даже любопытные медсестры начали заглядывать.

И Лиза теперь жила не от укола до укола, которые надо скорее «перелистнуть», а от спектакля до спектакля. Это всегда бывали экспромты. Репетиции устраивать не удавалось, потому что уединиться было невозможно: как только они с Юлей брались за самодельных зверушек, тут же собирались зрители. И Юля называла их «почтеннейшей публикой», хоть и не была похожа на Карабаса-Барабаса, а иногда складывала театральный реквизит в коробку из-под печенья и говорила Лизе: «Пойдем в шестую палату». Это означало, что кто-то из больных совсем не поднимается и надо показать представление прямо там. Это было в порядке вещей. В больнице ведь «лежат», это так и называется.

А один раз Лиза услышала разговор медсестер.

– Представляешь, я ресницы крашу, а эта Наташка из второй палаты говорит: дай попробовать, – возмущалась студентка медучилища, проходившая в их отделении практику. – В двенадцать-то лет! Я говорю – дорасти сначала. Хоть бы пятнадцать было!

– Ну и дала бы, жалко, что ли? – отвечала старшая медсестра. – Она все равно до пятнадцати не доживет, с ее диагнозом.

– Как не доживет?

– Ты чё, совсем не врубаешься? У нас же кардиология. Думаешь, всех вылечат? Маше с врожденным пороком, из третьей палаты, операцию вовремя не сделали – теперь все. А у Кравченко какой порок, знаешь – никто оперировать не берется. А маленькая Олечка – веселая такая, четыре годика, с мамой лежит, – ее с риском внезапной смерти положили. Тяжелая аритмия. Толик, который от уколов громче всех орет, все жаловался, что голова болит и «сердце переворачивается», а участковая рукой махала: вырастет – пройдет. Теперь тоже уже не поможешь, пропустили. Чего ревешь, дурочка? Зачем тогда в мед пошла? Переходи в пед, пока не поздно, там детишки здоровые.

– Жалко! И их жалко, и их родителей жалко – рожали, растили...

– Родители тоже дураки бывают. Вон Сашка с эпилепсией сто раз сознание терял, а родители только через три года к врачу повели. А мальчишка все это время спортом занимался, все результат выжимали...

– Так как же они? Играют, смеются. Учебники читают... Не понимают, да?

– Кто – нет, а кто понимает. Как будто взрослые много понимают.

Лиза вполне сознавала, о чем речь – что никогда не заберут домой, но твердо знала, что к ней это не относится. Важнее было то, что восстановился стройный порядок жизни, ее смысл, оказавшийся непривычно радостным: сидеть с Юлей на подоконнике, пересказывая друг другу книжки, и делать новые фигурки для театра. Юля ловко плела человечков и зверушек из гибких трубочек от капельниц, которые ей приносили медсестры.

Подружки встречались и после больницы – оказалось, они живут недалеко друг от друга, и в местном санатории «Лесная сказка». Общительная Юля заводила новых друзей, а верная Лиза ждала, когда та вспомнит о ней – Лизе больше никто не был нужен и ни с кем не было так интересно. На процедурах Юля демонстрировала терпение, которому вот-вот придет конец, и

грозила, что «скоро вся эта ерунда кончится, и я поеду поступать в театральное училище». Она и думать не хотела, что может оказаться там, откуда не забирают домой. К ней это тоже не имело отношения. У нее тоже был свой смысл. А потом она с семьей в самом деле уехала и сначала писала Лизе, а потом переписка оборвалась.

Доктор Лончинский, похожий на Чехова, возник перед Лизой с Пушкиным на устах:

– В синем небе звезды блещут, в синем море волны плещут! Ну что, Лиза Бурматова, хочешь поехать на море? Ты ведь та самая Лиза, которая не боится уколов и никогда не плачет? Стало быть, в больнице незачем лежать, будешь приходить на уколы и ЭКГ делать, договорились? Придется потерпеть, а вот летом поедешь на море!

Лиза внимательно смотрела на человека, не похожего на остальных врачей, понимающего, что свобода – это главное.

– Почему вы ездите на вызовы, Леонид Борисович? Вы же кардиолог.

– Почему, почему? Теперь все ездят на вызовы. Терапевтов не хватает. Или в поликлинику давно не заглядывали? Так как самочувствие? Почему не отвечаете? – И доктор привычным движением взял Лизу за руку и стал слушать пульс. – А это что такое? – Нахмурился, достал часы. – Это что, я вас спрашиваю? Стометровку бежали?

Лиза молчала, доктор снял пальто и повесил его на вешалку.

– Вы тут отдыхаете? Давайте-ка пойдем в вашу комнату, я вас послушаю.

Лиза без слов повиновалась. Спорить с Леонидом Борисовичем было бесполезно. Не изменились ни его интонации, ни манера обращения. Правда, он уже не говорил, как маленьким пациентам: «Ах, какая у тебя красивая рубашечка! Что же это там нарисовано, не разберу – цветочки или грибочки?» Но движение, когда доктор задержал в ладони стетоскоп, чтобы согреть его, прежде чем металл прикоснется к коже, было таким знакомым.

Сам Леонид Борисович, однако, не улыбался. Наоборот, становился все серьезнее и слушал долго, очень долго.

– Что же это такое, Лиза? – наконец выговорил он. – Вы хоть раз за это время проверялись? Были у врача? Кардиограмму делали? Или обрадовались, что мы вас отпустили, и напрочь забыли о том, чего нам стоило вас вытащить? Нам с вашей мамой, которая, насколько я помню, своей научной работой и вообще половиной жизни пожертвовала ради вашего здоровья? Что вы все молчите, как заколдованная? Стыдно сказать, что старый Леонид Борисович прав? – И продекламировал:

– «Я убежал от эскулапа, худой, обритый, но живой! Его мучительная лапа не тяготеет надо мной!» Сознайтесь – убежали?

Лиза улыбнулась и кивнула.

– Ну вот, диалог с пациентом налаживается. А теперь рассказывайте по порядку, что с вами было. Мне не все равно, что вытворяют мои пациенты с предоставленной им жизнью!

– Что же рассказывать? Я поступила в институт, и все было так здорово – правда, я отлично себя чувствовала.

Студенческие годы стали настоящей, полноценной жизнью, когда ее ничего не беспокоило, когда она попала в совершенно новое окружение, где была такой же, как все.

– А потом, – продолжил Леонид Борисович, – какой-нибудь стресс – скорее всего, неудача в личной жизни – спровоцировал осложнение, которое вы к тому же запустили, так?

Ироничная дама-кардиолог, к которой Лиза обратилась, тоже сразу угадала причину. Радость освобождения от тупикового романа с Димой сменилась глухой тоской так же, как яркое начало осени – ее промозглым и беспросветным продолжением. Сердце болело не в метафорическом, а самом прямом смысле, постоянно, как никогда раньше.

– Ведь этому есть причина? Какая-нибудь потеря? Развод? Разрыв с молодым человеком? – предположила ироничная докторша. – Ну вот видите. Если у вашего сердца есть все основания болеть, чего вы от него хотите? Это еще не конец света. Попейте валокординчика.

Когда же на работе сообщили о сокращении, Лиза почти не удивилась – безработица уже стала главной темой в новостях, а в строительной отрасли кризис был особенно заметен. Вчерашняя студентка ценным специалистом не являлась. Лиза не паниковала, старалась найти положительные моменты, вроде того, что зато с жильем все в порядке – хозяину заплачено за год вперед, – и уже собиралась начать поиски новой работы.

Плохо ей стало внезапно, без всякого повода, в той самой ее одинокой квартире. Приехавшая скорая сделала укол, от которого стало не намного легче. Навидавшись в больницах всякого, Лиза тем не менее не представляла себя в таком состоянии. И вообще такого состояния не представляла.

Она перестала быть собой. Ее собственный мир исчез. Враждебная гнетущая среда заполнила ее изнутри. Не осталось ни чувств, ни мыслей. Прежде стоило представить места, где она была счастлива, – и это всегда помогало, но теперь, наоборот, воображаемые цвета, яркие краски резали по живому. От Лизы остался только организм, который лежал на диване и не знал, как правильно существовать в незнакомом измерении, как внутренне себе помочь.

Какое-то время она оставалась растением. А первая картина, которая возникла в голове и оказалась не мучительной, – зимний черно-белый лес, и она бредет на лыжах. Лиза не стала отгонять ее и осторожно продолжила идти по этому нейтральному, бесцветному, застывшему лесу. И это было почти хорошо. И она осталась в черно-белом мире – хоть что-то вместо пустоты.

А специалисты сказали прямо противоположное ироничной даме. Что все запущено, что «пропустили» – как старшая медсестра о безнадежном Толике.

– В общем, пациент скорее мертв, чем жив.

– Погодите, – заволновался Леонид Борисович. – А на основании чего? С какой стати делать такие выводы? Какое они предложили обследование? Эхограмму, мониторинг...

– Всё делали, – отозвалась Лиза. – Я так рада хотя бы такому состоянию – я ведь уже и на людей реагирую с их разговорами, и выгляжу почти нормально. Уже читать могу. Понимаю, что теперь это в прямом смысле мертвому припарки, но гуляю каждый день в любую погоду, по вашим заповедям, – смотрите, вот шагомер. Кофе пить бросила.

– Теперь вы вспомнили о заповедях. – В речи доктора проскользнули сварливые нотки. – И о шагах, и о бассейне. А до этого небось сидели сиднем в каком-нибудь офисе да волновались по пустякам, из-за каких-нибудь пустых мальчишек! А теперь похоронили себя заживо! Что это еще за мрачное одеяние? Раньше как выглядели замечательно – цветочки, грибочки... С какой стати, я вас спрашиваю? Куда вы вообще обращались? Мало ли где еще можно показаться! У меня сын работает в очень приличной клинике. Ну-ка, дайте-ка я вас послушаю еще раз с нагрузкой. Походите по комнате... или спуститесь и поднимитесь по лестнице.

Внизу уже сидел читатель «Коммерсанта». И что он только будет делать, когда у газет начнутся каникулы? Лиза спустилась, поднялась, опять спустилась, поймала удивленный взгляд Логинова. Наплевать.

– Ага, так-так... Ну, теперь я узнаю свою Лизу, которая никогда не плачет и не боится уколов. Послушайте, – проговорил Леонид Борисович, выходя из комнаты, – главное – прекратить вешать нос. Вы же понимаете, что результаты любого обследования – это две составляющие: объективные параметры и их субъективная интерпретация, а она зависит от квалификации врача и его интуиции, от технической точности... Давайте еще раз пройдем обследование. Рядом с нами военный госпиталь, там прекрасное оборудование. Даже коронарографию делают. Вы еще не все потратили?

Лиза хотела сказать, что в клинике, где ей вынесли приговор, оборудование было тоже прекрасное. Но только кивнула – и кивнула еще раз в сторону Логинова.

– Сразу после Нового года, я договарюсь. Позвоните мне, телефон прежний, – коротко завершил Леонид Борисович, подходя к вешалке.

– А вы только младшего мальчика посмотрели у Кочубеев? – переменяла Лиза тему. – А старшего, Васю, не заметили?

– Ну да, тихий такой Вася, весь в себе, как будто стихи про себя читает.

– Вот именно, про себя. Он у них замолчал в годик и теперь совсем не говорит. И ничего не помогает. Вам такое не встречалось? Можно тут что-то сделать?

– Тяжелый невроз, должно быть. Сразу не скажешь. Очень жаль.

– Очень жаль? Разве у врачей не притупляется чувство жалости? – раздался вопрос из-за газеты.

Леонид Борисович не удивился.

– Врач, у которого отсутствует чувство сострадания, – это не врач, – отрезал он и вышел.

– А вы, Лиза, не врач, а страдаете, – со скрытой насмешкой констатировал Логинов. – Неужели верите в чудеса?

Лиза хотела уйти без ответа, но в холл ввалились Кочубеи, и Алла, в мучительно-оранжевой, почти светящейся кофточке, облегающей еще больше, чем обычно, окликнула:

– Что ж ты в бассейн не пришла? А наш врач из Белогорска, представляешь, еще не ушел, про Васю сейчас спрашивал.

– Кажется, это хороший Лизин знакомый, – снова подал голос Логинов. Что-то он часто стал его подавать. А раньше слова было не вытянуть – каждое Алла клещами тащила. – Или вы провинциальных специалистов всерьез не принимаете?

– Ну почему? – смутилась Аллочка. – Лиза, он тут у вас какой-нибудь знаменитый?

– Он настоящий врач. Это лучше, чем знаменитый.

– Тогда надо было с ним поговорить, наверное. Но я уже разуверилась в них – во всяких, понимаешь! Мы их столько уже обошли. Хоть бы какой-то толк! Я вот, Лиз, с тобой посоветоваться хотела, ты же все тут знаешь... А ты вообще как, в знахарей, в целителей веришь?

– Надо же, и я только что спрашивал, верит ли Лиза в чудеса, – ввернул Логинов. – А она ничего не ответила.

– Верю, – сказала Лиза, подумав.

– Ну слава богу! – с облегчением воскликнула Аллочка. – А я прям боялась, что смеяться начнешь, вроде господина Логинова.

– Почему? – пожала плечами Лиза. – Аристотель, классифицируя насекомых, описал такие жилочки, какие без микроскопа не увидишь, а в его времена и простейших линз не делали. Ученые считают, что просто у него было очень острое зрение – какое встречается у одного человека на тысячу. И ум такой же острый. И если он видел то, чего мы не видим обычным зрением, почему бы некоторым людям не видеть еще чего-то, скрытого от других?

– Да, почему бы ясновидящим не ясно видеть, а яснослышающим не ясно слышать? – Логинов уже не скрывал иронии. – Странно это звучит из ваших уст – вы кажетесь рациональным человеком.

– Но этот дар у одного на тысячу, – продолжала Лиза, обращаясь к Алле. – И не обязательно у тех, кто ворожит, снимает порчу. А о чем ты хотела спросить?

– Да о вашем местном знахаре! Или колдуне. Мне горничная сказала, что есть тут такой. Как по-твоему, можно ему доверять? Такой старик с бородой, пчел держит.

– Ах, пасечник?

– Так ты знаешь!

Лиза еще школьницей слышала об этом старике. Как раз из тех, кто ворожит и снимает порчу – а может, и наводит. О нем говорили шепотом. Она уже хотела сказать, что пасечник – специалист не по хворобам, а по житейским вопросам, как Логинов ее опередил:

– Признавайтесь, Алла, ведь вы у него наверняка уже побывали.

Аллочка слегка покраснела.

– Ничего от вас не скроешь. Ну вот я и хотела у Лизы спросить – можно верить тому, что он сказал?

– А что он сказал? – хором спросили Логинов и Лиза.

Кочубей засмеялся над их унисоном и снисходительно махнул рукой:

– Ну блажь такая у Аллочки – сходить к Берендею, подумашь. Вы оба люди ученые, так сразу ученые разговоры завели. А там ничего особенного: зарабатывает дремучий человек чем может – мед продает, лапшу людям на уши вешает. Платят же, он и вешает. И мы заплатили – и нам навешал. Хотя глазищи у него, скажу вам, как ножи. Так нас и пронзил насквозь, особенно Ваську бедного...

– И ничего не лапшу, – сердито перебила Аллочка. – Если бы лапшу, он бы сказал – придите на заре, да умойтесь водицей, да попейте отварчика. А он прямо заявил: не по моей части. Вам с ним надо бы к шептунье, она бы помогла. Если это какая его коллега или напарница, так сказал бы, как найти. А он ведь не сказал!

– К кому, к кому вам надо бы? – переспросила Лиза.

– Да к шептунье какой-то.

Избушка на курьих ножках

Мама с Лизой пошли в лес – не в привычный лесок рядом с дачей, а совсем в другую сторону. И оказались на окраине Белогорска – там, где одноэтажные домики разбегались среди сосен врассыпную. Лес этот Лизе необычайно понравился. Он был золотым и легким. Солнечных лучей, стоящих столбами, было столько же, сколько стволов, а взлетающие сосновые стволы как будто просвечивали насквозь. То и дело попадались небывалые муравьиные кучи – пирамиды в метр высотой – или же гигантская, натянутая меж двух стволов паучья сетка. Среди папоротника мелькали лакомые земляничины.

Ветхая избушка, выросшая перед ними, и должна была появиться – Лиза не удивилась и ни о чем не спросила. Никакой забор не загораживал дорогу, они подошли прямо к крыльцу, и тут стало немного тревожно. Но Лиза тут же успокоилась, заметив на ступеньке блюдечко с молоком – значит, здесь есть кошка. Баба-яга никогда не казалась ей злой, потому что у нее же кошка. А рядом с крыльцом лежал шланг – стало быть, здесь огород поливают, как на обычных дачах.

Мама постучала и громко сказала: «Это мы!» Разве так надо? Но, наверное, сказочные слова вроде «Избушка-избушка, повернись к лесу задом» прозвучали бы смешно – избушка с самого начала стояла к ним передом. И когда навстречу им вышла старушка, Лиза уже не могла отделить реальность от нереальности, словно это была история, которую она сама же и придумывала.

Старушка оказалась маленькой и еще меньше – потому что сильно сторбилась, словно что-то уронила и собирается поднять, и такой морщинистой, что непонятно, улыбается или хмурится. Казалось, она вот-вот рассыплется в прах, как гриб дедушкин табак. Но среди морщин светились глазки, как будто с другого лица – ясным, осмысленным светом, который успокаивал. Лиза не помнила, говорила старушка что-нибудь или просто глядела на нее своими ясными глазами и качала головой – спокойно, понимающе. А может, голова у нее качалась сама по себе. Маленькая комната с печкой, простым деревянным столом и развешанными пучками пахучих трав казалась вполне сказочной, хотя на самом деле была просто бедной. Ни телевизора, ни радио, ни даже зеркала – это Лиза точно заметила. И кошки тоже нет.

А когда они уходили, свернутый в кольцо шланг вдруг пошевелился! Он пополз! Лиза замерла. А мама потом ненатуральным голосом говорила, что ужи – не змеи, они не опасны, ловят мышей, как кошки, и любят греться на солнышке. Это он на солнышко переползал. И что он наверняка ручной и пьет молоко из того блюдечка... И больше ничего не объяснила. Лиза только поняла, что кошка там не живет.

Дома о лесной избушке не было ни звука, мама вела себя так, как будто ничего и не произошло, и никому ничего не рассказывала – и Лиза поняла, что и она должна поступать так же.

Тем летом они часто навещали старушку и шли гулять в ее чудесный лес. Вилась тоненькая тропа, словно ручеек из сухой хвои, – вилась низачем, некоторые ее изгибы ничего не огибали. Наверное, тот, кто ее протоптал, обходил несуществующие теперь деревья, пеньки, или лужи, или медвежьи берлоги, или поваленные сосны, вывороченные с корнями. И Лиза до того ясно видела оба леса, настоящий и воображаемый, что начинала отводить руками невидимые ветви и провожать взглядом до самого неба незримые стволы со всеми их дуплами и сучьями – и иначе располагались небесные окошки и менялось освещение. Оба леса то перемешивались, то проступали попеременно...

Лиза спохватывалась – но мама, глубоко задумавшись, ничего не замечала. Если же Лиза случайно встречалась со взглядом старушки, то видела только ровное, понимающее одобре-

ние. Как у учительницы, когда та ходит по классу и поглядывает в тетрадки, в которых все правильно. Или как у Юли в больнице. А один раз вдруг пришло в голову, что старушка и сама видит то же самое, видит невидимый лес – но от этого не стало ни страшно, ни неудобно.

И они продолжали идти по тропе. Иногда старушка поворачивалась к Лизе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.